

К-14038

П307157

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

261'84

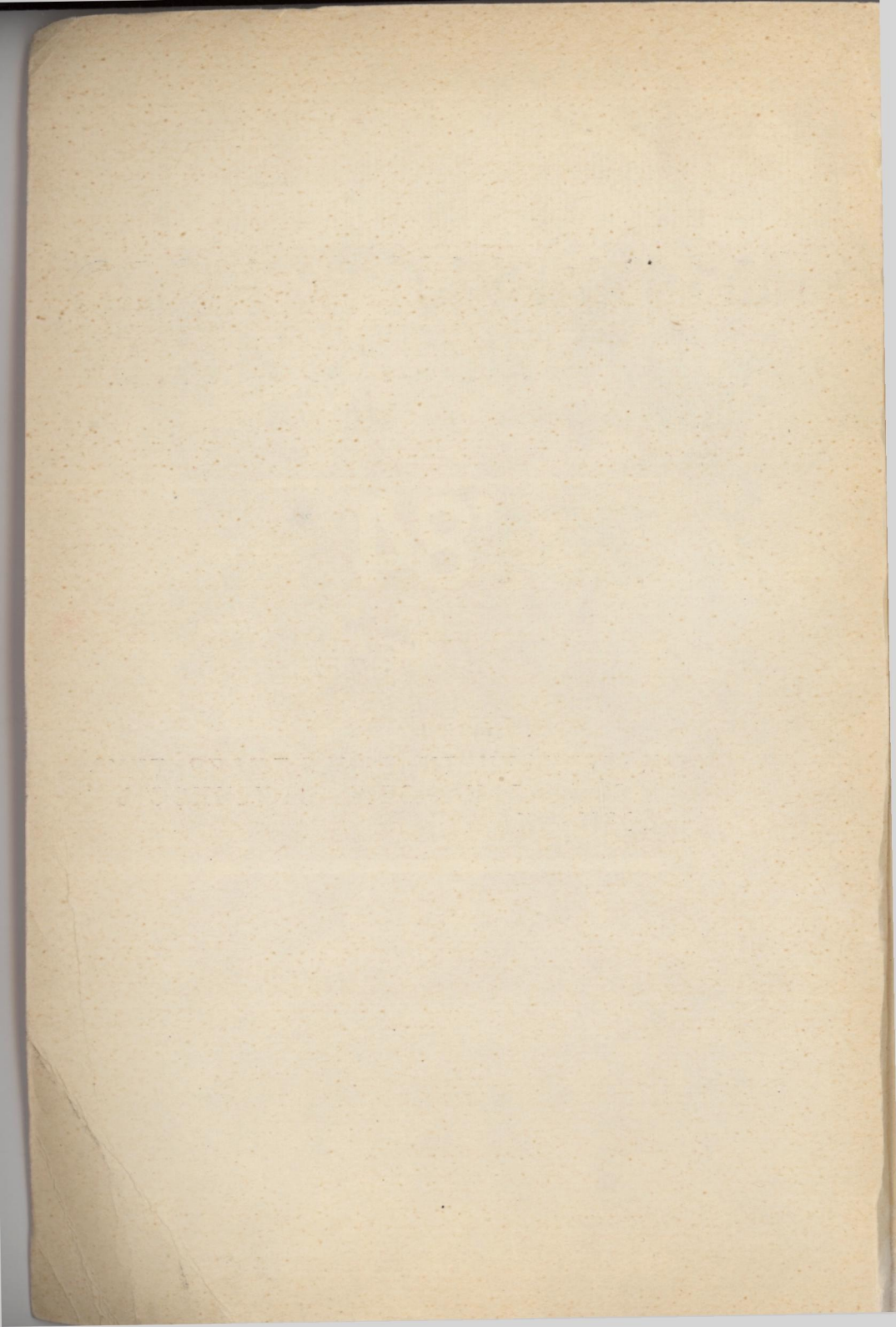
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА
И СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
СОЗНАНИЯ

»ВИЦА ШКОЛА«

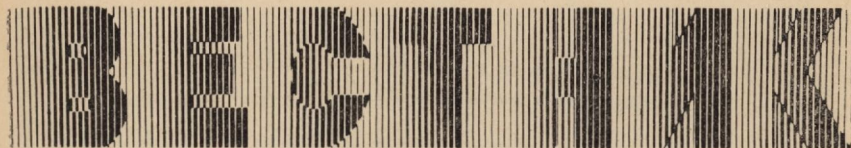
1 р. 10 к.

Вестн. Харьк. ун-та, 1984, № 261, 1—108.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 261

**МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ДИАЛЕКТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ
ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
СОЗНАНИЯ**

Основан в 1965 г.

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»
1984

В вестнике рассматриваются актуальные вопросы диалектики социальной практики и общественного сознания развитого социализма, социальной ответственности, политической культуры, формирования личности, развития научного познания, а также дается критика современной буржуазной философии.

Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов

Редакционная коллегия: А. Ф. Плахотный (отв. ред.), О. Г. Берзин, Ю. Ф. Бухалов, Л. Н. Дениско, Л. С. Дидорчук, А. А. Иванищенко, А. А. Мамалуй, В. П. Педан (отв. секр.)

Ответственный за выпуск А. Ф. Плахотный

Печатается по решению кафедры философии (протокол № 11 от 17 марта 1983 г.)

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, университет, кафедра философии, тел. 40-17-12

Редакция гуманитарной литературы

В 0302000000-080
M226(04)-84

K-14038

Центральна наукова
бібліотека ХДУ

© Харьковский
государственный
университет, 1984

А. Ф. ПЛАХОТНЫЙ, д-р. филос. наук,
Н. С. КОРАБЛЕВА, канд. филос. наук

СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕЛОСТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

На апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, говоря о главном содержании работы по совершенствованию развитого социализма, отмечал, что «выполнить эту работу нельзя без широкого развертывания инициативы и творчества масс, без самого активного включения их в решение узловых проблем общественной жизни» [1, с. 6]. В связи с этим необходимо изучение личности советского человека, ее сущности общественно-политической и трудовой активности. Это будет способствовать разработке форм и методов идейно-воспитательной работы по формированию нового типа личности, решению задач социализации и повышения общественной активности личности, регуляции и управления ее социальным поведением. Актуальность изучения этой проблемы обусловлена также изменением социального бытия, которое преломляется в категории образа жизни через личностную и коллективную деятельность.

Исходя из задач исследования нас интересует образ жизни как жизнедеятельность личности, в процессе которой исполняются различные социальные роли. Жизнедеятельность личности есть конкретная совокупность форм ее деятельности. Если рассматривать жизнь личности как систему, то ее структурными элементами будут не «потребности самих людей», не «условия жизни», а формы жизнедеятельности — труд, общественно-политическая, семейно-бытовая и другая деятельность. Субъектами образа жизни могут выступать личность, коллектив и общество.

Образ жизни личности зависит от социально-экономических факторов, но в большей степени определяется потребностями, способностями, идеалами, ценностными ориентациями. По структуре образ жизни включает в себя все формы личностной жизнедеятельности как системы. Объективно они определяются условиями жизни, субъективно — социальными установками, ценностными ориентациями, идеалами, целями, т. е. мотивацией. Исследование объективного момента не позволяет установить, ради чего живет личность, и не дает ответа на вопрос, становится ли богаче и содержательнее ее образ жизни. Поэтому субъективный момент должен учитываться при проведении индивидуальной идейно-воспитательной работы с людьми.

Понятие образа жизни взаимосвязано с понятием социальных ролей личности. Во-первых, оба эти понятия отражают форму человеческих отношений, складывающихся в процессе индивидуальной личностной деятельности, и зависят от господствующих общественных отношений. Последние определяют условия, которые «позволяют и порой даже заставляют вести определенный образ жизни, независимо от того, к какому именно образу предрасположен человек» [2, с. 61]. Во-вторых, эти понятия комплексные, ибо образ жизни включает в себя ролевые отношения. В-третьих, взаимосвязь образа жизни и социальных ролей проявляется в условиях практического поведения человека, которое зависит от взятой на себя социальной роли и образа жизни; сложившегося понятия о своем образе жизни и своих социальных ролях, т. е. от сознания личности, которая сопоставляет свой образ жизни и свои социальные роли со своим идеалом.

Эти представления объективируются в социальном поведении людей и имеют важное значение для выбора социальных ролей. Социалистический образ жизни, повышение жизненного уровня, развитие общественных отношений способствуют усилению субъективного момента в выборе социальных ролей. Этот фактор выражается в значимости различных социальных ролей для самой личности, в иерархии социальных ценностей, сформированных под воздействием социального опыта и индивидуального образа жизни, присущего той социальной группе, к которой принадлежит личность. Следовательно, значимость той или иной социальной роли может зависеть от индивидуального образа жизни.

Цель статьи — раскрыть механизм влияния образа жизни личности на ее роли и обратную зависимость. Методологической основой данного исследования является марксистский принцип единства личности, ее деятельности и общественных отношений.

Прежде всего необходимо не только соотнести между собой социальные роли в рамках рядоположного взаимоотношения мотива и роли, но и рассмотреть диалектическую связь целостности личности и ее деятельности в их взаимообусловленности. Используем для этого понятие мотивации, представляющее собой своеобразный механизм, который способствует переводу субъективного в реальность, объективируя его в поведении людей и исполняемых социальных ролях, обеспечивает их гармонию, служит утверждению и раскрытию «человеческих сущностных сил».

Можно выделить три этапа принятия роли: формальный, неформальный и личностный. Рассмотрение мотивации позволяет представить процесс ее функционирования на разных этапах принятия роли, проанализировать конкретные формы, обеспечивающие целостность личности и дающие возможность выявить тенденции ее развития. Изучая социальные роли и деятельность

личности, необходимо преломлять их через призму мотивации. Это способствует более глубокому изучению социальных ролей личности как интегральных характеристик образа жизни. При этом существенное значение имеет переход личности от самооценки и саморегуляции к активной ролевой деятельности. Социальные роли выступают здесь как средство реализации мотивации и как цель, обеспечивающая целостность личности. Специфическим механизмом функционирования мотивации является способ оценки и самооценки личностью исполняемых ролей. Поэтому капиталистическое общество, особенностями которого являются доведенный до крайней степени «вещный» характер социальных связей, перенос отношений купли-продажи в межличностные отношения, что способствует отчуждению от человека его «родовой» сущности, не способно обеспечить личность. Последняя выступает как «частичный индивид», и ее социальные роли превращаются в маски. При этом под ролевой целостностью мы понимаем такой способ исполнения социальных ролей, который ориентирован на выявление и реализацию сущностных сил человека и характеризуется творческой и социально значимой направленностью.

Исходя из этого определения можно заключить, что между образом жизни личности и ее мотивационной сферой существует прямая зависимость. И она не только не исключает, но и предполагает возможность возникновения противоречия между ними. Это противоречие может стать причиной конфликтов между сознанием и деятельностью личности, между личностью и коллективом. Например, исполняя ту или иную престижную роль, личность может ставить такие цели, которые не согласуются с образом жизни социалистического общества или противоречат ролевым ожиданиям других людей, а значит возникает конфликт. Если личность пассивно соглашается с требованиями, вытекающими из взятой на себя роли, исполняет ее без должной отдачи, то это ведет к формализму в работе. Такая ролевая деятельность не обогащает ни личность, ни общество и не способствует формированию социально активной личности.

Более сложная зависимость прослеживается при исследовании внутренних путей развития роли. Если личность принимает роль, то мотивационные процессы, согласуясь с требованиями роли, направляются на обоснование такого поведения, которое вытекает из принятия роли. Личность психологически соглашается с данной ролью, сопоставляет ее с аналогичными ролями других людей, пытается применить их опыт в исполнении своей ролевой деятельности. При этом можно проследить исполнение различных и одинаковых типов ролей разными людьми. Компоненты микросреды, влияющие на исполняемую роль, тоже оказывают весьма существенное воздействие на исполнителя ролей. Возможны три реакции на принятую роль: социальная адаптация, принятие и исполнение роли сообразно социальным требо-

ваниям; психологическая адаптация, соотнесение запросов личности с исполняемой ролью; роль интернализирована так, что личность и роль нераздельны.

Таким образом, требуется социальное и психологическое приспособление к роли. На формальном этапе личность, соглашаясь на роль, должна воплотить те ожидания, которые с ней связаны, а значит она подготавливает себя к будущей роли и к переходам в такие коллективы, общение с которыми необходимо в связи со взятой на себя ролью. Происходит социальное и психологическое приспособление к роли. Длительность этого процесса зависит от того, что личность знает о роли и насколько точно это значение совпадает с тем, что требует ролевой деятельность. Формальный этап связан с теми ролями, которые точно определяют комплекс обязательных действий. В этих условиях ответственность установлена требованиями, вытекающими из принятой роли. Подготовка к ней включает проигрывание роли в процессе обучения до того, как личность вступает в нее.

На неформальном этапе личность принимает роль, которая вытекает из знаний о тех или иных действиях, связанных с ролью, не из инструкций или регламентированных положений, а из понятий о них в микросреде, коллективе, где исполняется роль. Эти знания передаются через людей и имеют неофициальный статус. Здесь большая ответственность ложится на исполнителя роли.

Личностный этап предлагает такое исполнение роли, которое требует профессионального мастерства, личностного опыта. Личность изменяет роль, а не наборот. Роль соответствует личности, а личность — роли. Личность берет на себя социальную роль, не изменяя свою мотивационную структуру, которая является содержательной системой регуляции, обеспечивающей ролевую деятельность личности как целостного субъекта. Здесь выявляется такая особенность: мотивация выступает в качестве целостной системы со своей особой структурой, раскрывается процесс ее становления как специфически необходимого механизма функционирования роли. Внутренняя логика той или иной реально существующей системы мотивации при исполнении взятой на себя роли зависит и от личности, и от межличностных отношений, складывающихся в процессе ролевой деятельности.

Принятие роли может проходить все этапы, но возможна и остановка на одном из них. Это зависит от источника, содержания и видов ролевых ожиданий, степени согласованности с ожиданиями и личностными реакциями на них. Говоря о целостной личности, мы обязательно фиксируем многоаспектность ее ролевой деятельности, исключаящую межролевые и внутриролевые конфликты, динамичность принятия ролей. Можно выделить три стадии становления целостной личности.

1. Усвоение личностью исторически закрепленных, характерных для данного общества структур ролей. Мотивация задана личности и выступает регулятором ролевой деятельности, указывая роль с определенными требованиями. Происходит внешнее включение личности в ролевую деятельность. Особое значение приобретает мотивация как способ осознания ответственности за выбор, как необходимость принять ответственность за свою деятельность.

2. Мотивация представляет собой «поисковый механизм», с помощью которого опыт, сознательно переработанный личностью, мобилизуется на включение в роль. Личность изменяет ее, управляет ею. Мера ответственности реализуется в исполняемой роли и служит основой при разрешении ролевых конфликтов, возникающих при необходимости выбора между взаимоисключающими ролями. Личность ставит перед собой задачу «отстаивать себя поступком» [3, с. 140]. Социальные роли выступают как деятельность личности, ее образ жизни. Происходит самоутверждение личности, «перевод» деятельности в мотивы. Мотивация становится постоянно устойчивой системой, определяющей не только целостность личности, ее образ жизни, но и образ жизни социалистического общества.

3. Ответственность личности выступает как критерий оценки деятельности других людей. Формируется гармоничная личность, для которой целостность является естественным, единственно возможным образом жизни. Мотивация такой личности и исполняемые ею роли способствуют преобразованию бытия и самой личности, которая видит смысл жизни в служении обществу.

Таким образом, соответствие между социальными ролями, мотивацией и образом жизни способствует становлению целостной личности и зависит от того, насколько процесс освоения ею образа жизни становится собственным, личностным достоянием; выработаны ли навыки исполнения социальных ролей с высокой мерой ответственности; достигнуты ли результаты в управлении своими социальными ролями; какова степень социальной зрелости в исполняемых социальных ролях.

Список литературы: 1. *Материалы* Пленума Центрального Комитета КПСС, 10 апреля 1984 г.—М.: Политиздат, 1984.—31 с. 2. *Бестужев-Лада И. В.* Прогнозирование образа жизни. — Социол. исслед., 1974, № 2, с. 58—67. 3. *Гегель Г. В. Ф.* Соч. М., 1950. — Т. 7. 543 с.

Поступила в редколлегию 21.01.83.

ОБЩЕНИЕ КАК ФОРМА НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

Бернард Шоу в шутливой форме высказал глубокую мысль: если два человека обмениваются яблоками, то у каждого останется по яблоку, если же они обмениваются идеями, то каждый станет обладателем двух идей. В этих словах образно раскрыта сущность человеческого общения: отдавая свои знания другим, человек не утрачивает их. Однако общение — это не просто обмен мыслями, трансляция знаний из «одной головы в другую» при сохранении их суммы. Общение — это и условие рождения мысли. Продолжая шутку Б. Шоу, М. Г. Ярошевский заметил: при обмене яблоками-идеями возникает третье яблоко, общение креативно [8].

Мысль эта не нова. На уровне обыденного сознания она давно сформулирована в виде афоризма — в споре рождается истина. Но дело в том, что традиционная теория научного познания ее игнорировала. Вообще, в дискуссиях о проблемах научного познания для опровержения положений, вытекающих из определенной теоретической модели, не следует пользоваться представлениями обыденного опыта. Если, например, утверждается, что субъект научного познания в традиционной эпистемологии берется как **одно**, как абстрактный познаватель в единственном числе, то не следует возражать, ссылаясь на очевидность того, что человек, существующий в единственном числе, — нонсенс. Наблюдая вокруг себя массы людей, теоретик может создавать теорию научного познания, в которой действует единственный гомогенный, бесструктурный субъект — «единый человек, вечно живущий и постоянно приобретающий все новые сведения» (Б. Паскаль).

При строгом проведении идеи моносубъекта общение действительно невозможно ввести в теорию познания. Но и игнорировать общение как эмпирически наличный процесс тоже невозможно. Эта дилемма разрешается в ослабленном варианте модели моносубъекта: признается множественность субъектов, а общение понимается как со-общение результатов индивидуальных мыслительных актов, при которых, однако, каждый субъект «один на один» противостоит объекту. Здесь общение признается как факт, но теоретической необходимости в нем нет, ибо оно никак не определяет познание. Важна добытая в познании мысль сама по себе. Познание на этом прекращается, а будет ли мысль изречена или останется невыраженной, это дела не меняет. Именно поэтому анализ процесса общения долгое время не представлял интереса в рамках гносеологического исследования. Как заметил М. Г. Ярошевский, «история процесса познания традиционно рассматривается безотносительно к эволюции форм общения» [9, с. 70]. Отсюда и столь

незначительное внимание к языку в традиционной теории познания. Таким образом, описанный учет общения несколько не противоречит «гносеологической робинзонаде».

Жесткое «разведение» общения и мышления, признание за общением только функции передачи готовых результатов мышления есть следствие определенного понимания субъекта познания — понимания его как моносубъекта. Как возможна модель научно-познавательного процесса с моносубъектом? На наш взгляд, формирование этой модели обусловлено некоторыми особенностями культуры. Наука, при осмыслении которой возникла концепция моносубъекта, — это наука одиночек. Хотя современные формы институализации науки стали складываться еще в XVII в., когда уже выделился слой людей, профессионально занимающихся производством нового знания, эта характеристика относится даже к науке XIX в. Реальный процесс познания осуществлялся и, следовательно, понимался как индивидуальная деятельность.

Отсутствие непосредственной кооперации в реальной научно-исследовательской деятельности дополнялось общей для всех сфер буржуазной культуры тенденцией к индивидуализации, или «атомизации» социального целого. Буржуазная свобода, выступающая как отношение взаимной отчужденности между людьми, возрождает личностное начало, но в форме эгоцентризма. Такая эмансипация индивида неизбежно приводит в гносеологии к принципу: «субъект познания — это Я». Гносеология, опирающаяся на этот принцип, не может быть ничем иным, как наукой о познавательных проявлениях отдельного индивида. Познающее «Я» становится ее центральной фигурой. Этому также способствовала достаточно высокая однородность мышления, свойственная классической науке. Речь идет о том, что отсутствие развитой специализации научного познания порождало казалось бы очевидный подход: чтобы узнать, как мыслит ученый вообще, достаточно исследовать, как мыслю я сам — конкретный ученый. Отсюда опора на интроспекцию как основной метод. Исследуя собственное мышление, я тем самым исследую мышление другого. И стоит этому другому произнести «я мыслю» и начать исследовать свое мышление, как он станет исследовать и мое мышление. Он придет к тем же результатам, к каким пришел я. Формулируя программу исследования мышления в предисловии к «Критике чистого разума», И. Кант писал: «Я имею дело только с самим разумом и его чистым мышлением, за обстоятельным знанием которого мне незачем далеко ходить, так как я нахожу разум в самом себе» [2, с. 77].

Отметим и такое обстоятельство, как доминирование монологической формы общения в общем контексте культуры, т. е. за пределами собственно научного мышления. Повеление монарха, несущая «слово божие» проповедь священника, непрекаемая речь учителя — все это монологические формы. Они

не предполагают конструктивной обратной связи. Выполняя функции прямого приказа или авторитетного поучения, эти формы не допускают критики, а значит и равноправной ответной реакции, что свойственно диалогу. Можно предположить, что моносубъект в теории познания — это в определенной степени продукт культуры авторитарного типа. В этой связи интересно сравнить «приказывающую» математику древних египтян и «рассуждающую» (убеждающую) математику древних греков.

Современная методология научного познания начинает пристально всматриваться в феномен диалогического мышления. На это толкает ее реальное бытие науки — по существу своему непосредственно коллективное. Познание, как и любая социальная деятельность, всегда было коллективным. Однако надо различать «коллектив», выстроенный во временном ряду, или диахронную целостность («я стоял на плечах гигантов» — И. Ньютон), и коллектив актуальный, фиксированный в данный момент времени, или синхронную целостность. В современной науке определяющим становится второй тип коллективности. Это изменение должно быть зафиксировано на уровне методологических абстракций. В частности, традиционный моносубъект должен быть заменен полисубъектом — моделью, воспроизводящей непосредственную коллективность. Полисубъект — целостность не только временного, но и пространственного характера. Следовательно, коммуникация становится для модели познавательного процесса с полисубъектом имманентной мышлению. Другими словами, коммуникативные процессы «внутри» полисубъекта должны войти в само определение мышления. В основе концепции моносубъекта лежит абстракция мгновенной коммуникации. Сознание моносубъекта, как «душа» в учении Декарта, непротяженно, и понятие коммуникации не имеет здесь никакого смысла. Отсюда безразличие к коммуникативному аспекту в традиционной методологии науки. «В нашей методологической литературе, — подчеркивает Ю. В. Сачков, — еще слабо исследуются вопросы об основаниях, формах и методах функционирования знаний в процессе становления новых. Эти вопросы еще не всегда включаются в само определение научного познания. При таком подходе к характеристике научного познания последнее предстает перед нами как бы обезоруженным и малоэффективным» [5, с. 66].

С позиций концепции полисубъекта многие факты истории научного познания видятся в новом свете. В понимании методов и форм науки обнаруживаются новые аспекты. В связи с этим рассмотрим один пример.

Огромная литература посвящена многолетней дискуссии двух корифеев физики XX в. — А. Эйнштейна и Н. Бора. Считается, что А. Эйнштейн тяготел к идеалам классической физики, а Н. Бор представлял собой ученого, радикально порывавшего с ее традициями. Разумеется, это общая и несколько упрощен-

ная оценка. Создание А. Эйнштейном теории относительности — свидетельство великого новаторства, а установление Н. Бором принципа соответствия — не что иное, как реализация его настойчивых попыток сохранить ценности классики. Но в целом, как характеристика методологической установки, эта оценка верна. Для классического стиля мышления А. Эйнштейна характерно требование непротиворечивости общих принципов, из которых дедуцируется система суждений, образующих теорию. А. Эйнштейн пытался исключить элемент случайности и опереться на строгую (динамическую) детерминированность. Мышление Н. Бора противоречиво (в смысле принципа дополнительности), что совершенно чуждо классике. Н. Бор как бы ощущал парадоксальность бытия и принимал вытекающую из этой парадоксальности случайность как реальность, а не субъективную помеху [1, с. 468].

Как же работали эти главные персонажи драмы идей XX в.? А. Эйнштейн одинок. Почти все, что сделало ему имя, — плод глубоких раздумий в одиночку и часто вдали от «горячих точек» науки. Н. Бор, напротив, действовал во главе «копенгагенской команды». По существу дискуссия шла между А. Эйнштейном и исследовательской группой, лидером которой был Н. Бор. То, что отдельные возражения против копенгагенской интерпретации квантовой механики выдвигались А. Эйнштейном в соавторстве с другими учеными, не опровергает этого утверждения. «Несмотря на то, что Бор часто размышлял в одиночестве, характер его мышления лучше всего проявлялся в диалоге», — писал Л. Розенфельд [4, с. 64]. Но вот замечание самого Н. Бора об А. Эйнштейне: «Он привык все делать сам, и делать прекрасно... А для понимания квантовой механики были необходимы совместные обсуждения» [6, с. 99]. «Над текстами статей, — пишет Дж. Холтон, — Бор любил работать не за письменным столом, а прохаживаясь по комнате, диктуя их тому из коллег, кого он уговорил помочь себе в качестве стенографа, слушателя и критика. При этом он постоянно спорил как с самим собой, так и с партнером, который к концу беседы обычно доходил до изнеможения» [7, с. 195].

По нашему мнению, образ мышления А. Эйнштейна больше соответствует модели моносубъекта, а Н. Бора — модели полисубъекта. «Одномерность» — идея единственности описания объективного состояния физической системы — сталкивалась в этой дискуссии со своеобразной полифоничностью. И выдающееся достижение физики XX в. — принцип дополнительности, сформулированный Н. Бором, но упорно отвергавшийся А. Эйнштейном, есть естественнонаучное выражение диалогического характера мышления. «Он никогда не старелся заставить оппонента признать свое поражение», — писал Л. Розенфельд о Н. Боре [4, с. 64]. В принципе дополнительности диалектически снимается давний спор И. Ньютона и Х. Гюйгенса. Они оба

оказались правы. Выбор, прежде понимаемый как результат дискуссии, заменяется синтезом — диалектическим снятием сталкивающихся сторон. О. Фриш вспоминал о беседах Н. Бора с молодыми учеными: «У меня было такое чувство, словно сам Сократ вернулся к жизни» [3, с. 224]. Аналогия, на наш взгляд, весьма удачная и глубокая. В связи с концепцией непосредственной коллективности познания становится современной тема сократовского диалога. Возникают вопросы. Каково отношение между Сократом и его собеседниками: обладает ли он мудростью сам по себе, а аудитория нужна ему как средство выражения, или же мудрость, которую мы приписываем Сократу, есть системное качество группы? Знает ли Сократ конечный результат, к которому приходит группа в ходе беседы, до начала самой беседы? Как далеко идет отмеченная Сократом аналогия между ним и повивальницей? И не следует ли продолжить знаменитое «я знаю, что ничего не знаю» следующими словами: «не знаю сам, без других, а только помогаю рождению коллективного знания. Мы знаем вместе»?

Список литературы: 1. Илларионов С. В. Дискуссия Эйнштейна и Бора. — В кн.: Эйнштейн и философские проблемы физики XX века. М., 1979, с. 56—87. 2. Кант И. Соч.: В 6-ти т. — М.: Мысль, 1964. — Т. 3, 799 с. 3. Мур Р. Нильс Бор — человек и ученый. — М.: Мысль, 1969. — 470 с. 4. Розенфельд Л. Развитие принципа дополнителности. — В кн.: Нильс Бор — жизнь и творчество. М., 1967, с. 61—87. 5. Сачков Ю. В. Методология науки: выбор направления. — Вопр. филос., 1977, № 4, с. 192. 6. Фейнберг Е. Л. Научное творчество Нильса Бора. — В кн.: Нильс Бор — жизнь и творчество. М., 1967, с. 79—105. 7. Холтон Дж. Тематический анализ науки. — М., 1981. — 383 с. 8. Ярошевский М. Г. Третье яблоко. — Знание — сила, 1982, № 7, с. 34. 9. Ярошевский М. Г. О генезисе субъекта научного познания. — Вопр. филос. 1979, № 6, с. 192.

Поступила в редколлегию 23.12.82.

Л. Ф. МИНИНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Одной из важнейших проблем марксистско-ленинской философии является проблема взаимовлияния политической культуры и политических отношений. Особую актуальность она приобрела в условиях зрелого социализма. На XXVI съезде КПСС перед обществоведами была поставлена задача «глубже и смелее... анализировать явления политической жизни общества» [2, с. 78]. В последние годы появились работы, специально посвященные вопросам политической культуры. Однако в них, как правило, политическая культура и политические отношения рассматриваются изолированно друг от друга, без учета их взаимодействия. Для раскрытия механизма взаимодействия политиче-

ской культуры и политических отношений необходимо дать определения этих понятий.

Как известно, субстанциональной особенностью политической культуры является внутренне присущее субъекту интегральное единство сознания, убеждения, навыков и т. п. К политической культуре относятся также творческая деятельность и результаты этой деятельности — отношения и регулирующие их социальные институты.

Проблема включения политических отношений в политическую культуру разработана недостаточно. Одни исследователи под культурой подразумевают материальные и духовные ценности, исключая идеологические, в том числе и политические отношения [8, с. 165—183]. На наш взгляд, культура охватывает и сознание, и деятельность, и отношения, и социальные институты — в этом проявляется ее комплексность. Другие считают, что культура — это не сами явления, а общая качественная и количественная характеристика этих общественных сфер. Это в такой же мере относится и к политической культуре.

Следует учитывать, что взаимодействие политической культуры и политических отношений предполагает не только общие моменты, но и характеризуется прямыми и обратными связями. Политические отношения, являясь наиболее ярким показателем развития политической культуры, выступают также важным условием ее развития. Каждый элемент политической культуры общества может рассматриваться в качестве фактора, воздействующего на развитие каждого института политической системы и условия развития политической культуры в целом.

Представляет интерес рассмотрение механизма взаимодействия политической культуры и политических отношений на разных этапах развития социализма, поскольку проблема этапности в формировании социалистической политической культуры является чрезвычайно сложной и окончательно не решена. Так, Н. Киселев связывает этапы формирования социалистической политической культуры с основными этапами становления и развития социализма в СССР [5]. Н. Кейзеров же пытается найти более ранние истоки возникновения социалистической политической культуры [4].

По нашему мнению, целесообразно выделить зарождение политической культуры пролетариата под влиянием внесения коммунистической партией научной теории марксизма в стихийное рабочее движение, а также функционирование социалистической политической культуры и социалистических политических отношений в процессе революционной практики пролетариата.

Таким образом, формирование социалистической политической культуры можно разделить на следующие этапы: зарождение социалистической политической культуры и социалистических политических отношений; их функционирование

в ходе революционной практики пролетариата; развитие социалистической политической культуры в переходный период от капитализма к социализму и в годы строительства социалистического общества и, наконец, на этапе зрелого социализма. Трудно согласиться с утверждением Ж. Тошенко о том, что политическая культура на первых этапах строительства социализма представляла собой цель, которую надо было еще достигнуть [6]. Такое понимание приводит к отрицанию начальных этапов становления и функционирования социалистической политической культуры и социалистических политических отношений. В данном случае игнорируется исторический характер политической культуры. Она представляется как результат политической деятельности, лишенной механизма развития, т. е. движущего противоречия. Преодолевая эту односторонность, следует рассматривать политическую культуру не только как результат, но и как фактор, способ, уровень, причем уровень не только политического сознания, политической деятельности, но и политических отношений.

Отвлекаясь от момента зарождения политической культуры как стихийного протеста трудящихся против существующего бытия и беря в качестве исходного основополагающего принципа определяющее влияние политических отношений на политическую культуру, попытаемся раскрыть механизм этого взаимодействия через структуру политических отношений социализма, которые могут быть дифференцированы на следующие элементы: государственные, негосударственные институты демократии, коммунистическая партия.

Конкретизация исходного принципа по отношению к этапу зарождения политической культуры рабочего класса позволила нам выделить особую роль института политических отношений и их сознательное выражение партией. Политическая культура пролетариата России зарождалась в рамках буржуазной политической системы, прежде всего под воздействием политической культуры партии.

Рассматривая диалектику взаимодействия политической культуры и политических отношений на этом этапе, мы исходим из того, что жизнедеятельность социальных групп протекает в определенной социокультурной среде. Политическая культура коммунистической партии, транслируя накопленные ценности, традиции, выступает в качестве важного фактора, формирующего социалистические политические отношения. Рабочий класс становится субъектом политической культуры, лишь практически усвоив накопленный коммунистической партией опыт, обобщив также опыт собственной борьбы и борьбы других групп общества.

На втором этапе социалистическая политическая культура может быть понятна как объективированное сознание класса, направленное на захват власти, как своеобразная качественная

характеристика практической политической деятельности. Это соответствует высказыванию В. И. Ленина, видевшего смысл политической культуры в способности «рабочего класса, всех трудящихся победить старый порядок» [1, т. 41, с. 404]. Механизм взаимодействия политической культуры и политических отношений на этом этапе предполагает рассмотрение культуры социализма, возникающей в результате революционной практики пролетариата в недрах буржуазных политических отношений и направленной на их разрушение и формирование политических отношений социализма.

Таким образом, на втором этапе формирования политическая культура социализма проявляется в творческой деятельности, разуме масс. Подчеркнем, что творческая деятельность масс в процессе революционной практики, ведущая к образованию социалистических политических отношений или регулирующих их политических институтов, прежде всего государства, является проявлением культуры общества.

Примером проявления творчества масс В. И. Ленин считал создание Советов как формы государства пролетариата. Никакой теоретический разум не смог бы открыть эту форму государственной власти, только творчество масс [3, с. 118]. Однако надо учитывать, что проявление политической культуры масс в их творческой деятельности носит характер случайного, отдельного. Только политическая культура партии, ее теория, организация, активность придают политической культуре масс характер необходимого, всеобщего.

Третий этап формирования социалистической политической культуры характеризуется реальностью политических отношений и политических институтов социализма. Политические отношения нового типа существенно отличаются по структуре и функциям от политических отношений предшествующих этапов, что приводит к изменению взаимодействия между политической культурой и политическими отношениями. В противоположность буржуазным социалистические политические отношения, утратив отчужденный характер, выступают важным источником роста политического сознания масс, их политической культуры, более того, могут быть реализованы лишь через нее. Таким образом, для социалистического общества характерен качественно новый тип политических отношений, на основе которых вырастает гуманизм нового строя.

Политические институты социализма — пролетарское государство, общественные организации воплощают в себе новые политические отношения. Политическая культура масс осуществляется через их участие в управлении государственным и общественными делами, через систему демократии, органически присущую социалистическому государству. Это в свою очередь развивает политическую активность трудящихся.

Особенно важно изучение проблемы взаимодействия политической культуры и политических отношений на этапе развитого социализма, когда впервые политика функционирует в качестве универсального культурного бытия. Ведущее положение социалистической политической культуры в условиях зрелого социализма выступает как объективная закономерность, обусловленная целостностью социальной системы. На этом этапе зрелые политические отношения приводят к дальнейшему расширению социальной базы политической культуры. Политическая культура классового субъекта превращается в достояние всего народа подобно тому, как диктатура пролетариата перерастает в общенародное государство; образуется новая социальная общность — советский народ.

Политическая культура развитого социализма зависит от степени зрелости политических отношений и, «будучи вторичным общественным образованием, сохраняет внутреннюю определенность, устойчивость и характеризуется своими собственными функциями, тенденциями и процессами самоорганизации и самодвижения», т. е. сохраняет относительную самостоятельность [7, с. 99]. В силу этого она оказывает обратное воздействие на все элементы политической системы, в значительной степени определяя эффективность и качество функционирования социалистических политических отношений, воплощающих их политических институтов.

Главное направление развития социалистической демократии — все более широкое участие трудящихся в управлении государством и всеми общественными делами. Именно демократия — представительная и непосредственная — является условием развития политической культуры масс, их политической активности. Вместе с тем политическая культура масс в системе демократии все больше выступает субъектом демократии. В условиях зрелого социализма дальнейшее развитие объекта и субъекта политической культуры приводит к изменению механизма их регуляции, что находит выражение в сближении политического творчества народных масс и политического руководства этой деятельностью.

Процесс интенсивного приобщения широких народных масс к практике управления обществом составляет важный этап в становлении коммунистической формации. Однако поступательное движение вперед автоматически не обеспечивает исчезновения политического управления, имеющего преходящий характер, а лишь создает возможность, которая превращается в действительность по мере развития политической культуры социализма. В связи с этим на первый план выдвигается задача формирования политической культуры широких масс, возросший уровень которой в дальнейшем снимает политические отношения общественным коммунистическим самоуправлением.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 3. Берзин О. Г. В. И. Ленин о свободе и необходимости. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1978. — 138 с. 4. Кейзеров Н. М. Политическая культура социалистического общества. — М.: Знание, 1982. — 38 с. 5. Киселев Н. Воспитать истых коммунистов. — Мол. коммунист, 1980, № 7 с. 21—27. 6. Тощенко Ж. Единство знаний, убеждений и практической деятельности. — Мол. коммунист, 1980, № 11, с. 23. 7. Чефранов В. А. Правовое сознание как разновидность социального отражения. — Киев: Вища школа, 1976. — 210 с. 8. Уледов А. К. Духовная жизнь общества. — М.: Мысль, 1980. — 271 с.

Поступила в редколлегию 17.03.83.

О. Г. БЕРЗИН, канд. филос. наук, В. М. КОПАНИЦА

ДИАЛЕКТИКА СВОБОДЫ И НЕОБХОДИМОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ — СОВЕТСКОГО НАРОДА

Одной из важнейших проблем становления коммунистического общества является изучение эволюции форм исторических общностей людей. Особый интерес представляет исследование новой исторической общности людей — советского народа. Ее возникновение — результат коренных социальных преобразований и решения национального вопроса в нашей стране. На заседании, посвященном 60-летию СССР, отмечалось: «Сформировались социалистические нации, образующие ныне новую историческую общность — советский народ» [3, с. 8].

Актуальность изучения этой общности обусловлена ее универсальным, закономерным характером для всемирно-исторического процесса, так как необходимое прохождение всеми странами этапа развитого социализма будет вызывать появление новых социальных и интернациональных общностей.

Проблеме возникновения и развития советского народа посвящена обширная литература [8; 9; 12; 13 и др.]. Однако до сих пор отсутствует анализ этой исторической общности с точки зрения основных философских категорий. В данной статье исследуется соотношение необходимости и свободы в образовании советского народа.

Прежде всего надо выяснить диалектичность самой необходимости рассматриваемого социального процесса. Реализуясь в рамках действия определенной совокупности законов как неотвратимая прогрессивная тенденция возникновения и развития любого социального явления, необходимость неоднозначна, выступает как действительность и возможность, содержит в себе различные возможности. Общий необходимый процесс реализуется через отдельное (отдельную страну), причем может миновать необходимые ранее фазы исторического развития и т. д. Поэтому необходимость предполагает в своей реализации выбор, свободу. При определенных условиях свобода является обязательным результатом развития необходимости.

Мера свободы любого общества определяется в конечном счете уровнем развития производительных сил и социально-экономическим строем. Возрастающая роль субъективного фактора и его высшего проявления — свободы — в формировании новой исторической общности по сравнению с образованием досоциалистических общностей людей, обусловленным в целом стихийным процессом реализации исторической необходимости, требует рассмотрения закономерностей, условий и предпосылок превращения необходимости в свободу при образовании советского народа.

Основоположники научного коммунизма предсказали неизбежное слияние наций в мировом масштабе. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что основой единства исторического процесса, объективно-исторической необходимости сближения народов служит «развитие производительных сил (вместе с которыми уже дано эмпирическое осуществление *всемирно-исторического*, а не узкоместного, бытия людей)», вследствие чего «устанавливается *универсальное общение людей*» [1, т. 3, с. 33].

В ходе развития капитализма усиливались процессы интернационализации общественной жизни, что способствовало сближению наций, проявляло историческую необходимость «смены нации как относительно международной общности собственно интернациональными международными общностями, такими, которые в полной мере адекватны самому процессу интернационализации» [7, с. 68].

Но социальный антагонизм капиталистического общества был непреодолимой преградой на пути подлинного объединения народов. Только уничтожение социального гнета и разъединяющего влияния частной собственности создали необходимые предпосылки для ликвидации национального гнета. Предвидя историческую неизбежность этого процесса, В. И. Ленин писал, что социализм «творит новые, высшие формы человеческого общения...» [2, т. 26, с. 40].

Историческая необходимость возникновения новой исторической общности в своем развитии проходит ряд этапов.

Как известно, процесс любого становления и развития, протекающего по определенным законам, отражается через категорию возможности и действительности [5, с. 138].

Возможность характеризует объективные тенденции действительности, способные осуществиться лишь при определенных условиях. Исходный уровень рассматриваемой необходимости, на котором возможность появления данного социального феномена связана с перспективами всемирно-исторического масштаба, определяется общесоциологическими закономерностями нарастания единства исторического процесса (или «расширения ассоциации человечества») [6, с. 17], неуклонного укрупнения

общностей людей [13, с. 35, 48], преобладания процессов интеграции в социальном прогрессе человечества [3, с. 18] и др.

Советский народ — это не продукт этнической эволюции, а специфическое явление социализма, не имеющее видовой преемственности в развитии [6, с. 20]. Но это совсем не означает, что у советского народа нет предыстории, исторических корней.

Следующий этап вызревания необходимости возникновения новой общности связан с развитием капитализма и формированием наций, когда начинает действовать межформационная закономерность интернационализации общественной жизни, появляется необходимость в образовании более широких, незамкнутых, открытых объединений. Но в условиях капитализма тенденция к сближению наций не реализуется в действительность в форме интернациональной общности из-за наличия социальных антагонизмов в обществе. Характерные черты антагонистического типа прогресса — антагонизм, противоречивость, неравномерность и стихийность — господствуют в межнациональных отношениях. Необходимость как возможность продолжает существовать лишь как тенденция развития, которая генетически связана с будущей тенденцией, реализующейся при социализме. В обществе появляется пролетариат — социальная сила, выражающая эту тенденцию, возникает революционная теория марксизма, позволяющая познать объективную историческую необходимость общественного развития, в том числе и необходимость перехода к единому, безнациональному человечеству. Ф. Энгельс отмечал, что «только пролетарии способны уничтожить национальную обособленность, только пробуждающийся пролетариат может установить братство между различными нациями» [1, т. 2, с. 590].

Возможность самодвижения, в результате которого новая общность реализуется как отдельное, основана на специфических, национально-особенных предпосылках. Эти предпосылки в некоторой степени определили скорость протекания процесса непосредственного формирования советского народа, способствовали слиянию борьбы рабочего класса за социальное освобождение, борьбы крестьян за землю и национально-освободительной борьбы народов России.

Для перехода возможного в действительное необходимы два фактора: действие объективных законов и наличие определенных условий, реализующих данную возможность. Только при социализме возникает реальная возможность формирования интернациональной общности, во всех сферах общественной жизни создаются коренные предпосылки для становления народа как новой исторической общности, начинают действовать главные, формационные закономерности образования советского народа. В ходе социалистического обобществления, коренного изменения социально-классовой структуры общества, построения фундамента социализма формировались основы

социального единства советского общества. Наряду с этим происходило коренное решение национального вопроса, были заложены основы интернационального единства народов нашей страны. В. И. Ленин говорил, что, уничтожив капитализм, пролетариат создает лишь *возможность* полного устранения национального гнета, а ее превращение в *действительность* осуществляется только в результате создания фундамента нового строя социалистического производства, а также полного проведения демократии во всех областях [2, т. 30, с. 22].

Наличие в формировании советского народа этапа, связанного с построением социализма в основном и образованием фундамента новой общности не противоречит диалектике превращения возможности в действительность. Построение основ социализма означает создание реальных возможностей возникновения новой общности на основе ликвидации всех препятствий, мешающих формированию интернациональной общности. Возможность становится реальной, когда получает все необходимые условия для своего проявления. Но реальная возможность может иметь действительные формы своего проявления до того, как она превратится в действительность [11, с. 81], что и проявилось в создании основ социалистического, интернационального и идейно-политического единства советского народа на начальном этапе его формирования.

Превращение данной реальной возможности в действительность на этапе развития социализма на собственной основе определяется степенью зрелости социализма, появлением новых социальных связей. На этапе построения развитого социализма объективная необходимость возникновения новой общности достигает своего высшего развития. Для этого этапа характерны качественно новые формы сплочения советского общества, новый уровень его экономической, социальной, политической и духовной интеграции. Превращение возможности в действительность — новую историческую общность — обуславливает появление новой возможности самодвижения данной необходимости в условиях строительства коммунизма, дальнейший прогресс советского народа. Эта сформировавшаяся необходимость выступает и как этап, объективно необходимая форма проявления общей необходимости перехода к единому безнациональному человечеству. В этом заключается возможность ее прогресса, самодвижения, дальнейшего развития.

Как отмечалось, объективная историческая необходимость неоднозначна, она предполагает активную роль субъективного фактора и его высшего проявления — свободы. В общественном развитии превращение реальной возможности в действительность требует наличия не только объективных, но и субъективных условий. Особенностью становления коммунистической формации является то, что объективные закономерности не могут реализоваться без теоретической и практической свободы

партии и масс. Поэтому наряду с общесоциологическим законом определяющего значения объективных факторов по отношению к субъективным диалектику возникновения новой исторической общности необходимо рассматривать в органической взаимосвязи с закономерностями взаимодействия социальных субъектов и возрастающей роли субъективного фактора в истории. При этом многие исследователи подчеркивают действие общесоциологической закономерности возрастания роли народных масс в истории в процессе возникновения и развития советского народа [9, с. 174; 10, с. 180].

Историческая сознательность как высшая форма деятельности общественных субъектов проходит несколько этапов становления и развития, связанных с расширением сферы научного познания объективных закономерностей и овладением научной теорией. Ленинское учение о соотношении революционной теории и практики содержит важный философский вывод о том, что на определенном этапе общество уже не может развиваться дальше, достигая своей высшей ступени без свободы, без научного познания исторической необходимости и преодоления на этой основе стихийности практики [4, с. 7].

Возникновение теории марксизма явилось первым шагом на пути становления свободы исторического творчества масс. Сознательная деятельность ленинской партии, направленная на укрепление интернационального единства трудящихся, ознаменовала начало появления актуальной свободы в деле сближения народов России.

Развитие социализма диалектически взаимосвязано с закономерностью постоянного возрастания руководящей роли коммунистической партии, ее теоретической и практической деятельности, творческой активности масс, т. е. свободы в дальнейшей реализации исторической необходимости перехода к единому безнационально-ассоциированному коммунистическому человечеству.

Раскрытие диалектики необходимости и свободы в процессе образования советского народа подтверждает, во-первых, универсальный, закономерный характер новой исторической общности в рамках социально-исторического процесса; во-вторых, дает теоретическую основу для решения многих спорных вопросов генезиса советского народа (например, соотношение и сущность предьстории, предпосылок и этапов его формирования); в-третьих, позволяет выявить специфику взаимодействия объективных и субъективных факторов в становлении новой общности людей, познать закономерность сознательного, свободного творчества социальных субъектов в ходе создания этой общности.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, 3. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, 30. 3. Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. — М.: Политиздат, 1982. — 30 с. 4. Берзин О. Г. В. И. Ленин о сво-

бодe и необходимости. — Харьков: Вища школа, Изд-во при Харьк. ун-те, 1978. — 140 с. 5. *Голубенко В. П.* Необходимость и свобода. — М.: Наука, 1974. — 200 с. 6. *Горовский Ф. Я.* Советский народ как интернациональная общность. — Киев: Вища школа, 1982. — 223 с. 7. *Иордан М. В.* Интернационализм против национализма. — М.: Наука, 1980. — 264 с. 8. *Ким М. П.* Советский народ — новая историческая общность. — М.: Политиздат, 1976. — 263 с. 9. *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР. — М.: Мысль, 1981. — 444 с. 10. *Николаева Л. В.* Объективные и субъективные факторы социального прогресса и свободы. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. — 259 с. 11. *Паркин В. Ф.* Социальный детерминизм как проблема развитого социализма. — М.: Наука, 1981. — 209 с. 12. *Развитие советского народа — новой исторической общности.* — М.: Политиздат, 1980. — 431 с. 13. *Становление и развитие новой исторической общности — советского народа.* — История СССР, 1980, № 6, с. 23—83.

Поступила в редколлегию 20.01.83.

В. И. ВОРОБЬЕВ

СВОБОДА ОБЩЕСТВА И ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ ЛИЧНОСТИ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

По сравнению с докоммунистическими формациями в социалистическом обществе происходит качественное изменение свободы, что создает реальные возможности для постоянного возрастания роли личности. Этот процесс является одним из условий успешного выполнения задач, стоящих перед социалистическим обществом. Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко указывал на необходимость активного включения масс в решение узловых проблем общественной жизни [4, с. 4, 10]. Кроме того, возрастание роли личности, овладевшей объективными законами общественного развития, способствует расширению свободы самого общества.

В настоящей статье рассматриваются некоторые аспекты проблемы возрастания роли личности в связи с расширением свободы социалистического общества. Для анализа этой проблемы необходимо дать определение свободы. Ф. Энгельс указывал, что «свобода ... состоит в основанном на познании необходимости природы господстве над нами самими и над внешней природой...» [1, т. 20, с. 116]. Следовательно, свобода общества в своем развитии носит неоднородный характер. Поэтому решение проблемы возрастания роли личности в связи с расширением свободы в условиях социализма невозможно без конкретно-исторического анализа общественно-экономических формаций.

В докоммунистических формациях человек может ставить перед собой только ближайшие цели, так как он не вооружен знаниями объективных законов общественного развития и, кроме того, отсутствуют условия для реализации этих законов. Поэтому необходимость в области общественных отношений развивается стихийно. Ближайшие цели либо пересекаются с другими целями, либо не совпадают с результатами деятельности

людей, с объективной необходимостью. «В самом деле, — писал Ф. Энгельс, — и в этой области на поверхности явлений, несмотря на сознательно желаемые цели каждого отдельного человека, царствует, в общем и целом, по-видимому, случай. Желаемое совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные людьми перед собой, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недоступными частью по самому своему существу, частью по недостатку средств для их осуществления <...> Таким образом, получается, что в общем и целом случайность господствует также и в области исторических явлений» [1, т. 21, с. 306]. Следовательно, свобода в докоммунистических формациях достигается главным образом благодаря овладению стихийными силами природы. В историческом процессе свобода личности ограничена ее незнанием объективных законов общественного развития. В этих условиях личность не может ставить перед собой цели, основанные на научном познании общества. Поэтому ее роль сводится в основном к случайности, когда невозможно эффективно воздействовать на общественное развитие. При благополучном стечении обстоятельств личность может лишь ускорять или замедлять необходимое развитие, воздействовать на его форму.

О влиянии стихийного развития на роль личности указывал Ф. Энгельс. Случайность есть форма проявления и дополнение необходимости. Появление данного исторического деятеля есть случайность по отношению к необходимому общественному развитию. Если данную историческую личность устранить, то необходимость реализует другая личность. Ф. Энгельс привел в качестве примера личность Наполеона [1, т. 39, с. 175—176], сыгравшего большую роль в реализации необходимых буржуазных отношений в Европе.

В работе «К вопросу о роли личности в истории» Г. В. Плеханов также объясняет роль личности в истории влиянием случайности на необходимость, т. е. личность может либо ускорять историческое развитие, либо замедлять его, а также влиять на его форму [5, с. 330]. Следовательно, он рассматривает значение личности только в стихийно развивающихся формациях, где именно случайность (а также субъективность, роль которой по сути сводится к случайности) является условием реализации исторической необходимости.

Роль личности существенно изменяется в условиях социалистического общества, так как в новом обществе качественно изменяется свобода. При социализме возникают условия для научного познания общества, разработки научной теории общества, теоретической свободы. Поэтому возрастает значение деятельности, реализующей научное познание общества, роль идеологической, теоретической, практической деятельности партии, исторических деятелей, личности. Последняя выступает уже на

уровне свободы, а не случайности. Личность может не только ускорять или замедлять развитие необходимости, менять ее форму, но и при наличии объективных условий реализовать необходимость.

При социализме появляется также возможность реализации практической свободы, а значит и возможность возрастания роли каждого человека. Суть этой свободы заключается в самостоятельном создании разумом масс принципиально нового. Анализируя опыт революции 1905—1907 гг., В. И. Ленин указал на возникновение нового качества в сознании и деятельности масс — разума масс, народного творчества. Он писал: «...ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение» [2, т. 35, с. 281]. Яркие примеры творческой деятельности масс — создание Советов — государственной формы диктатуры пролетариата, проведение коммунистических субботников, организация социалистического соревнования и т. д. На XXVI съезде КПСС подчеркивалось, что «социалистическое соревнование — творчество масс. По самой сути своей оно основано на высокой сознательности и инициативе людей» [3, с. 58].

Следовательно, без свободы, проявляющейся в деятельности масс, невозможно необходимое возникновение и развитие коммунистической формации. В связи с этим изменяется представление о роли личности, которая вместе с другими личностями может сыграть (при наличии объективных условий) решающую роль в осуществлении необходимого развития социализма. Поскольку научная теория и деятельность, теоретическая и практическая свобода являются условиями необходимого перехода к общественно-экономической коммунистической формации и ее развития, роль личности качественно изменяется. Как носитель научной теории и действия личность также является условием реализации необходимости.

Необходимым условием развития свободы общества в связи с возникновением разума масс и народного творчества является развитие свободы в теоретической и практической деятельности партии, оказывающей решающее влияние на сознание и деятельность масс.

Важным условием развития свободы масс в результате их творческой деятельности является демократия развитого социализма. В ст. 9 Конституции СССР подчеркивается, что главным направлением развития социалистической демократии является все более широкое участие трудящихся в управлении государственными и общественными делами. Благодаря социалистической демократии, обеспечивающей права и свободы личности, повышается роль личности в условиях развитого социализма. Конституция СССР гарантирует права на труд, образование, здравоохранение, отдых и т. д. Политические свободы личности подкрепляются ее социальными правами, что обус-

довливает реальное развитие сознания и деятельности личности. Развитие личности обеспечивается также ее участием в деятельности общественных организаций, коллектива. Наряду с гарантиями свободы личности Конституция СССР включает и ответственность личности перед обществом, ее обязанности.

Таким образом, в условиях зрелого социализма развитие свободы общества обуславливает дальнейшее возрастание роли личности, ее творческой деятельности.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, 21, 39. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35. 3. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 4. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10 апреля 1984 г. — М.: Политиздат, 1984. — 31 с. 5. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5-ти т. — М.: Госполитиздат, 1956. — Т. 2. 756 с.

Поступила в редколлегию 20.01.83.

Е. И. КАРПЕНКО

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР РАЗРЕШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

Заложенная в основании общественной жизни доминантная цель ее самосохранения обычно направляла и интегрировала человеческую деятельность скрытым, внешне не проявляющимся путем. В современную эпоху, когда существует опасность глобальных нарушений равновесия между обществом и средой, происходит постепенное научное осознание этих процессов и предпринимаются меры, направленные на целостную экологическую регуляцию данного баланса. Это подтверждает закон возрастающей роли народных масс в общественном развитии, ибо его содержание заключает в себе и осознание необходимости социальной ответственности за гармонизацию взаимоотношений общества и природы.

К. Марксу принадлежит мысль о том, что человечество ставит перед собой только такие задачи, которые оно может разрешить. Здесь речь идет о таких задачах, которые объективно поставлены самим ходом исторического развития. Они осознаются только тогда, когда появились или складываются объективные условия их осуществления.

Прогрессивные тенденции, способствующие разрешению противоречий общества и природы, совпадают с утверждением коммунистических общественных отношений. Наличие этих тенденций — доказательство преимущества социалистической экологической политики над капиталистической. Но для реализации объективных возможностей необходима зрелость субъективного фактора, так как социальные возможности осуществляются не сами собой, а лишь через борьбу людей за свои цели.

На необходимость осознания ответственности современного общества перед будущими поколениями за сохранение окружающей среды указывают как советские, так и зарубежные философы. Большое внимание этой проблеме уделяют представители Римского клуба. Так, его президент А. Печчеи подчеркивает: «Современный человек обладает значительной материальной силой, которая может быть использована как в созидательных, так и в разрушительных целях <...> Нам удалось усовершенствовать отдельные качества у атлетов, космонавтов и астронавтов, улучшить машины, приборы и материалы... Но мы никогда даже не пытались всерьез сделать более острым восприятие человеком его нового положения в мире, повысить осознание той силы, которой он теперь располагает, развить чувство глобальной ответственности...». Цит. по: [3, с. 55—56].

Чувство глобальной ответственности А. Печчеи относит к необходимым «человеческим качествам», развивая которые, «можно добиться изменений всей ориентированной на материальные ценности цивилизации». Цит. по: [3, с. 14]. И хотя эти рассуждения свидетельствуют об ухудшении «качества» западной цивилизации, А. Печчеи не анализирует конкретно-исторические общественные отношения, на основании которых складываются «качества» индивида, в том числе и «качество» безответственности. Он уклоняется от рассмотрения вопроса о том, в какой мере человек «в своем индивидуальнейшем бытии является вместе с тем общественным существом» [1, т. 42, с. 116].

Только марксистско-ленинская философия позволяет правильно осмыслить проблему социальной ответственности общества за сохранение окружающей среды. Говоря о стихийном отношении человека к природе, классики марксизма связывали его, с одной стороны, с уровнем существующего знания, со степенью познания законов окружающей действительности и правильным их использованием в человеческой деятельности, а с другой — с определенными социальными отношениями. Низкий уровень знания приводил к тому, что человек не мог предусмотреть не только отдаленные, но и ближайшие последствия своего воздействия на природу. Поэтому часто результаты деятельности были полностью противоположны тем целям, которые человек ставил перед собой вначале. К. Маркс писал: «Культура, — если она развивается стихийно, а не *направляется сознательно*... оставляет после себя пустыню» [1, т. 32, с. 45].

С возникновением частной собственности противоречие между обществом и природой обостряется. Это обусловлено не только развитием производительных сил, усилившим воздействие человека на природу, но и изменяющимся характером трудовой деятельности. Принудительный труд здесь выступает чем-то внешним по отношению к человеку, не принадлежащим его сущности, а продукт труда — как чуждая, враждебная, противостоящая ему сила, не принадлежащая больше своему со-

здателю. Отчуждение продукта труда от его непосредственно-го производителя отрицательно влияет на отношение человека к природе. «Отношение рабочего, — отмечал К. Маркс, — к продукту труда, как к предмету чуждому и над ним властвующему ... есть вместе с тем отношение к предметам природы, как к миру чуждому, ему враждебно противостоящему» [1, т. 42, с. 91].

Главная проблема современной эпохи перехода от капитализма к коммунизму — проблема освобождения труда обусловлена как социально-политическими закономерностями, так и природными факторами. К. Маркс подчеркивал, что свободный труд — это труд, «ставящий себе на службу силы природы и заставляющий их действовать на службе у человеческих потребностей» [1, т. 46, ч. II, с. 208]. Иначе говоря, освобождение труда обеспечивается через освобождение от природной необходимости, которую человек подчиняет процессам управления. Но такое подчинение в свою очередь опосредуется подчинением социальной необходимости, т. е. тем, в какой степени люди способны управлять социальными процессами. Поэтому осознание ответственности за сохранение окружающей среды базируется на принципе объективности и предполагает осознание необходимости революционного преобразования общества, порождающего отчужденное, а следовательно, и безответственное отношение к природе. Это положение часто игнорируется в работах западных исследователей.

Материалистическая концепция универсального взаимодействия обосновывает предпосылки ответственности. Так, во взаимодействии общества и природы проявляется широта возможностей, вариантов взаимодействия, что исключает как фатализм, так и волюнтаризм в его толковании.

Современная экологическая ситуация характеризуется обострением противоречий общества и природы. Объективная необходимость оптимизации взаимоотношений общества и природы имеет ряд возможностей (причем не только возможностей, совпадающих с ведущей тенденцией развития, но и таких, реализация которых противодействует ей), которые постоянно ставят человеческое общество в ситуацию выбора. Следствием свободного выбора путей гармонизации взаимоотношений общества и природной среды является предвидимая человеком ответственность перед будущими поколениями за свободно выбранный им образ действия в рамках познанной необходимости. Данный аспект социальной ответственности связан со сложившимися в философии представлениями о социальной ответственности как «реакции (системе ответов) общества на поведение личности, ответственности за личность и перед личностью» [4, с. 62], а также «ответственности человека за общество» [3, с. 179]. Последнее высказывание совпадает с утверждением И. Канта о том, что человек «ответственен за человечество

в своем лице» [2, т. 4, ч. II, с. 184]. Ответственность перед будущими поколениями формируется в рамках конкретных условий взаимодействия личности и общества, определяемых социальным строем, в котором это взаимодействие осуществляется. Говоря об ответственности за сохранение природы, мы имеем в виду природу, вовлеченную в человеческую практику. Поэтому важно учитывать общественные и прежде всего производственные отношения, в которых происходило «очеловечивание» природы. Таким образом, познание условий оптимизации взаимоотношений общества и природы требует не только изучения объективных законов развития природы, но и учета социально-экономических условий, способствовавших нарушению экологического баланса, анализа прогрессивных и консервативных тенденций в развитии этого взаимодействия. Следовательно, необходимо знать оптимальные возможности осуществления объективной необходимости, которая конкретно воплощается через субъект действия. В данном случае это — человеческое общество. Однако понятие «общество вообще» неприемлемо для анализа рассматриваемой проблемы. Здесь необходимо учитывать дифференциацию современного общества в соответствии с содержанием современной эпохи. Это позволит адекватно оценить возможности каждой из социальных систем в разрешении экологического противоречия и меру их ответственности за складывающуюся экологическую ситуацию, так как в обществе даже реальная, объективная возможность не всегда превращается в действительность в силу отрицательного воздействия субъективного фактора.

До сих пор общественное производство развивалось, исходя только из собственных потребностей. В классово-антагонистическом обществе они преломляются через интерес господствующих классов, что придает производству хищнический по отношению к природе характер. Но если прежде темпы обменных процессов между обществом и природой соответствовали темпам восстановительных процессов в самой природе, то сейчас складывается экологическая ситуация, при которой темпы восстановительных процессов природы отстают от темпов обменных процессов между обществом и природой. Это происходит не только в результате расходования невосполнимых природных ресурсов. Общество должно взять на себя функции защиты и воспроизводства природных ресурсов во всем их объеме. Но в условиях производства, ориентированного на максимальную прибыль и основанного на частной собственности, решить такую задачу невозможно. Так, на международном симпозиуме «Движение в защиту окружающей среды и коммунисты», состоявшемся в марте 1981. в Праге, отмечалось, что уровень экономического развития и научно-технические возможности таких стран, как ФРГ, позволяют предотвратить дальнейшее загрязнение среды [5, с. 71]. Тем не менее затраты на охрану окру-

жающей среды во много раз меньше средств, выделяемых на гонку вооружений. Это совершенно несовместимо с необходимостью оптимизации взаимоотношений общества и природы. Во-первых, гонка вооружений угрожает существованию человечества вообще. Во-вторых, капиталистические государства затрачивают на военные цели огромные средства, которые можно использовать для охраны окружающей среды. В-третьих, это ограничивает свободу социалистических стран в выборе наиболее оптимальных возможностей регуляции взаимоотношений с природой. Конечно, нельзя утверждать, что в капиталистических странах не проводятся мероприятия по охране природы. Но они осуществляются в основном за счет усиления эксплуатации трудящихся и сокращения средств, выделяемых на социальное обеспечение. В настоящее время на Западе получило распространение движение в защиту окружающей среды. Однако большинство его участников не связывают требования, предъявляемые предпринимателям и буржуазному государству, с классовыми интересами. Поэтому коммунистические партии многих стран включили в свои программы задачи разработки социально-политической платформы экологического движения [5]. Это должно способствовать тому, чтобы биологическая потребность сохранения жизни и соответствующих для нее условий (что пока является основным мотивом большинства участников экологического движения) постепенно осознавалась массами как комплексная проблема преобразования мира. В сравнении с таким подходом представляется односторонней разработка проблем «инновационного обучения», которая нивелирует социальную дифференциацию общества и ориентирует само обучение не на опыт предшествующих поколений, а на новое сознание будущего. Представители Римского клуба, разрабатывающие эту проблему, рассматривают обучение как средство подготовки индивидов и обществ к «глобальной солидарности». Вместе с тем они пытаются обосновать жизненность капитализма, считая, что базой для глобальной солидарности может стать, например, частная собственность, распределяемая равномерно между всеми представителями общества. Но в условиях частной собственности равномерное распределение невозможно.

Только социализм, где утверждается общественная собственность на средства производства, создает необходимые предпосылки для свободной и творческой деятельности индивидов и всего общества, направленной на разрешение противоречий между обществом и природой. Но свобода социалистических стран в этом плане ограничена объективной необходимостью использования определенных средств для укрепления обороноспособности страны. Кроме того, сказывается недостаточная зрелость субъективного фактора, обусловленная традициями природопользования, унаследованными от предшествующих

формаций, и являющаяся результатом неантагонистических противоречий социалистического общества.

На социалистическое общество возлагается ответственность за развитие прогрессивных тенденций оптимизации взаимоотношений общества и природы.

Таким образом, формирование социальной ответственности (глобальной ответственности) необходимо и возможно в условиях реального сосуществования двух социальных систем. Но в рамках глобальности социальная дифференциация общества не должна игнорироваться. Осознание широкими массами прогрессивных тенденций природопользования, связанных с утверждением социалистических общественных отношений, должно способствовать разрешению экологического противоречия, обострившегося на современном этапе развития общества.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, 42, 46, ч. II. 2. Кант И. Соч.: В 6-ти т. — М.: Мысль, 1965. — Т. 4. Ч. II. 478 с. 3. Лейбин В. М. «Модели мира» и образ человека. — М.: Политиздат, 1982. — 255 с. 4. Плахотный А. Ф. Свобода и ответственность. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1972. — 160 с. 5. Экологический протест масс в борьбе классов. — Пробл. мира и социализма, 1981, № 5, с. 63—71.

Поступила в редколлегию 07.02.83.

С. И. МАКСИМОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Актуальными проблемами теории и практики развитого социализма являются проблемы социальной ответственности и социальных противоречий, которые тесно взаимосвязаны. На XXVI съезде КПСС, ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось их возрастающее значение в связи с необходимостью совершенствования руководства экономикой, всей системы общественных отношений [3, с. 8—10, 36—37, 50—51, 218; 4, с. 8—9, 11—12, 22—23]. Ю. В. Андропов подчеркивал, что решение задач механизации и автоматизации производства будет способствовать повышению инициативы, ответственности за порученное дело, а также указывал на необходимость «правильно использовать противоречия социализма в качестве источника и стимула его поступательного развития» [5, с. 17, 21].

Некоторые аспекты взаимодействия социальной ответственности и социальных противоречий освещены в работах К. П. Буслова, А. И. Ореховского, А. Ф. Плахотного [8; 12; 13]. Однако в качестве самостоятельного предмета исследования эта проблема пока не нашла отражения в советской философской литературе.

В исследовании взаимодействия социальной ответственности и социальных противоречий следует выделить два основных момента: методологическое значение категории «противоречие»

для анализа объективных основ и механизма функционирования ответственности и методологическое значение категории «ответственность» для разработки проблемы своевременного разрешения противоречий социализма, регулирования соотношения противоположностей.

Как известно, общество — это сложная динамическая система, в которой люди связаны определенными общественными отношениями. Такая система характеризуется тесным взаимодействием как самих компонентов друг с другом, так и каждого из компонентов с системой в целом. Целое и его части представляют собой единство противоположностей, в котором ведущей стороной является целое. В то же время, «подчиняясь целому, системе, компоненты, части обладают относительной самостоятельностью, определенной степенью свободы, причем для каждого типа целостности имеется своя мера самостоятельности, свободы... Если степень свободы той или иной части превышает меру, то часть выпадает из рамок данного целого» [6, с. 95—96]. Следовательно, наиболее общим объективным основанием ответственности выступает противоречивое взаимодействие системы и компонентов как их взаимозависимость и обособленность, наличие прямой и обратной связи между сторонами общественных отношений. «Взаимодействие людей и возможность свободного выбора действия определяют проблему социальной ответственности» [13, с. 25]. Эта взаимная зависимость субъектов общественных отношений получила название «отношения ответственной зависимости» (термин А. С. Макаренко).

В философской литературе ответственность рассматривается как универсальная форма взаимной связи и зависимости личности и общества. Отмечается, что необходимость ответственности возникает в силу необходимости регулирования отношений личности и общества, носящих противоречивый характер. Однако никто из авторов специально не исследовал противоречие как основание ответственности. На наш взгляд, социальную ответственность как социальное явление следует рассматривать с позиций ее основного противоречия — противоречия личного и общественного, личных и общественных интересов, так как она выражает объективное требование к членам общества подчинять свои личные интересы общественным, необходимость оптимального сочетания общественного и личного. Вместе с тем противоречие является основанием ответственности постольку, поскольку ответственность является фактором его разрешения, ибо противоречие может породить и безответственность. Возникновение и разрешение противоречия личного и общественного осуществляется в процессе социальной деятельности.

Сущность общественных отношений выражают объективные противоречия, образующие внутренний источник и движущую силу развития. Поэтому общество можно представить в виде

системы противоречий, которая включает в себя противоречия экономической, социально-политической и духовной сфер общественной жизни как относительно самостоятельных подсистем. Специфические признаки социальных противоречий связаны, во-первых, с субъектно-объектными отношениями; во-вторых, с противоречиями интересов, идеалов; в-третьих, с наличием двух типов социальных противоречий — антагонистических и неантагонистических [11, с. 31]. Социальные противоречия проявляются через столкновения интересов субъектов — противоположных сторон противоречия, которыми могут выступать личности, социальные группы, общество в целом. Основным субъектом социального противоречия является социальная группа. Субъекты социальных противоречий и социальной ответственности в основном совпадают. Однако при анализе субъекта ответственности основное внимание уделяется диалектике общественного и личного как диалектике общего и отдельного, поскольку задачей общей теории социальной ответственности является раскрытие проявления общественного на уровне индивидуального [13, с. 7]. Это не отрицает, а, наоборот, предполагает учет диалектического взаимоотношения общего (общество), особенного (социальные группы) и единичного (личность), учет всеобщности субъекта ответственности.

Противоречие личности и общества в системе противоречий занимает особое место. Как отношение элементов и системы оно пронизывает все сферы общества. На этапе развитого социализма проблема разрешения противоречия личного и общественного приобретает большую актуальность в связи с решением задачи формирования нового человека. Марксистская идея о конкретном тождестве человека (личности) и общества следует из понимания самого человека, сущность которого заключается в совокупности всех общественных отношений [1, т. 3, с. 3]. В ходе исторического развития человечества вслед за изменениями характера общественных отношений это тождество развивается от близкого к полному тождеству личности и общества в первобытном обществе, к противоречивому тождеству в классово-антагонистических формациях и затем снова, к почти полному, но уже богатому тождеству в коммунистическом обществе [6, с. 321]. Исторический тип социальных противоречий (в том числе личности и общества), обусловленный характером производственных отношений, определяет и характер ответственных зависимостей. Так, противоречия социальной нерасчлененности, социального противоборства, социального единства и социальной однородности отражаются и регулируются различными историческими типами ответственности*.

* Более подробный анализ изменения социального содержания ответственности как выражения необходимости регулирования общественных и личных интересов в различных социально-экономических типах общества содержится в работе А. Ф. Плахотного [13, с. 81—94].

Развитому социализму как системе присуще органическое единство личности и общества. Основой такой целостности является общественная собственность на средства производства, социально-политическое и идейное единство социалистического общества. В системе специфических признаков противоречий в условиях социализма признак единства общественного и личного, гармонического сочетания коренных интересов социальных субъектов на основе ведущей роли интересов всего социалистического общества является основным. Он определяет остальные признаки — такие, как ведущая роль неантагонистических противоречий, изменение тенденции их развития к затуханию, изменение фронта борьбы противоположностей, сознательное их «соединение» [11, с. 73]. Это — противоречия в условиях социального единства. Методологическое значение для анализа внутренней основы ответственности имеет выделение наряду с противоречиями развития противоречий функционирования [7, с. 44—51]. В любой системе противоречия развития существуют, реализуясь только через противоречия функционирования. Последние характеризуются относительной уравновешенностью соотношения сторон и тем, что стороны противоречий не соотносятся как старое и новое. В обществе противоречия функционирования представляют собой столкновение интересов различных социальных субъектов по поводу удовлетворения их потребностей. В этих противоречиях отражаются системный характер общества, наличие в нем отношений взаимной зависимости как объективной основы ответственности. Поэтому следует особо подчеркнуть значение сознательного регулирования противоречий функционирования социалистического общества. «Регулирование это состоит в нахождении оптимального для воспроизводства системы отношения противоположных сторон, оптимального сочетания интересов, направленности воли тех или иных социальных групп, коллективов, личностей, нахождения равновесия между ними» [7, с. 50].

Таким образом, предпосылкой взаимодействия противоречий и ответственности в условиях социализма выступает сходство их социального содержания — совпадение интересов. Ответственность при социализме выражает объективное требование к субъектам социальной деятельности выбирать оптимальный вариант поведения в интересах гармонического сочетания общественного и личного.

Ответственность представляет собой единство объективного и субъективного. Поэтому структура ответственности и механизм ее функционирования раскрываются через диалектику этих категорий. Данная сторона рассматриваемой проблемы не может быть понята без категорий «свобода» и «необходимость» как всеобщих методологических предпосылок ответственности. Объективные основы ответственности выражаются с помощью категории необходимости. Первичным элементом является си-

стема отношений ответственных зависимостей, обусловленная системным характером общества, содержащего противоречивые связи и отношения субъектов. Следующий элемент — закрепление ответственных зависимостей в социальных нормах — вторичен по отношению к первому и является его отражением. В то же время нормы выражают объективные требования необходимости. «В нормах и правилах аккумулируются и выражаются представления общества о необходимом, должном, уровне познания действительности, социальный опыт» [13, с. 46]. Следовательно, ответственность, включая объективные требования, представляет меру необходимости в деятельности людей.

Однако объективные основания обуславливают лишь необходимость и возможность ответственности, но не действительность ее функционирования как социального явления. В анализе субъективного содержания ответственности ведущая роль принадлежит категории свободы. Взаимосвязь свободы и ответственности выражается в формуле: свобода предполагает ответственность, а ответственность является условием свободы. Ответственность выступает как мера свободы. Ограничение свободы влечет за собой также и понижение ответственности. Основной субъективный компонент ответственности — это свобода воли, включающая гносеологическую свободу как познанную необходимость и свободу выбора. Проблема выбора является центральной в субъективных основаниях ответственности. Вне ситуации выбора свобода, а следовательно, и ответственность не существуют. «Если свобода означает возможность выбора, то ответственность — это оценка выбора, решения, поступка, оценка их пользы или вреда для общества» [15, с. 280—281]. В состав субъективных компонентов входит и оценка, ибо оценивая, человек выбирает, а выбирая, оценивает. Свободный выбор есть условие для наступления ответственности за поведение и деятельность. В процессе выбора перед субъектом встает вопрос: насколько решение человека совпадает с общественными интересами или противоречит им? Лишь в результате верного отражения объективных требований подчинения личных интересов интересам общества (как интересам общественного прогресса) человек совершает ответственный выбор. Направленность выбора определяется необходимостью разрешения противоречия личного и общественного. Свобода выбора является выражением избирательной активности, творческого отношения субъекта к действительности. В то же время свободный выбор означает сознательное выражение исторической необходимости. Чем более необходим выбор, тем более он свободен.

Ответственность выступает в качестве процессной взаимосвязи таких противоположностей, как свобода и необходимость, личность и общество. Сущностным для категории «ответственность» является положение о ней как о мере. Ответственность рассматривается как мера необходимого в свободном и мера

свободного в необходимом, мера общественного в личном и мера личного в общественном. Она выполняет функцию регулирования целостности системы. Нарушение этой меры влечет ослабление ответственности личности, вызывает необходимость санкций, снижает целостность, стабильность системы. В нормах выражается необходимость согласования общественных и личных интересов. Мера их согласования может нарушаться. В этом случае происходит искажение ценностных ориентаций субъектов и их деятельность теряет черты социально-ответственной. Выбор становится либо несвободным, т. е. фактически перестает быть выбором, либо произвольным, т. е. утрачивается его связь с необходимостью. Изменяется и отношение к нормам — как к пустым, формальным требованиям, ибо субъект уже не видит в них реализации личного интереса. Они воспринимаются субъектом как внешние требования, как требования «отчужденных» сил, а не его внутренние убеждения. В результате этого снижается ответственность и активность субъекта. Следовательно, из-за нарушения меры общественного и личного, свободного и необходимого в деятельности социального субъекта происходит деформация всего механизма функционирования ответственности.

Выполняя регулятивную функцию, ответственность выступает в единстве противоположных аспектов — перспективном и ретроспективном, позитивном и негативном. Противоречие личного и общественного является исходным пунктом в объяснении существования этих аспектов ответственности и повышения роли перспективной ответственности в развитом социалистическом обществе. Различие, столкновение интересов личности и общества отражается в ретроспективном аспекте ответственности как несоответствие деятельности личности нормативным требованиям. Тождество, совпадение интересов отражается в перспективном аспекте как соответствие деятельности личности этим требованиям, что является условием для активной творческой деятельности. Поэтому ответственность, возникшая первоначально как вменение, т. е. в ее негативном аспекте, все более выступает в своем собственном качестве, как выражение необходимости конкретного тождества интересов личности и общества.

Детерминантой всех процессов системы является ее основное противоречие. Проявляясь через противоречия функционирования, в том числе через противоречие личности и общества относительно деятельности, основное противоречие оказывает влияние и на характер ответственных зависимостей. Как известно, вопрос об основном противоречии социализма носит дискуссионный характер. В настоящее время существует научно обоснованная концепция основного противоречия социализма как противоречия между развитием производительных сил и производственных отношений, выражающего раздвоение спо-

соба производства, единство и столкновение его сторон [10, с. 43; 14, № 7, с. 18]. Двигательная сила основного противоречия заключается в том, что каждый существенный шаг в развитии производительных сил социализма требует совершенствования производственных отношений, а следовательно, и всей системы общественных отношений. «Здесь постоянно необходимо такое совершенствование, чтобы на каждом новом этапе органически увязывались интересы индивидов, производственных коллективов и всего общества, причем увязывались таким образом, чтобы каждый член общества, преследуя свои интересы, действовал в интересах производственного коллектива, а эти последние лежали в русле основных общественных целей» [9, с. 22]. В случае обеспечения такого соответствия производственные отношения ускоряют развитие производительных сил [5, с. 13—14], а устранение нарастающего несоответствия двух сторон основного противоречия выступает как движущий фактор развития. Обострение же основного противоречия, нарушение соответствия интересов приводит, в частности, к снижению трудовой дисциплины и ответственности. Практика социализма показывает, что учет реальной структуры интересов и объективно сложившейся системы отношений ответственных зависимостей, направленный на своевременное разрешение противоречий функционирования и развития (и в первую очередь основного противоречия), способствует возрастанию энтузиазма масс, их активности и ответственности, укреплению политической стабильности, повышению темпов экономического роста. Немаловажное значение в этом имеет совершенствование системы управления. «Необходимо создать такие условия — экономические и организационные, — подчеркивал Ю. В. Андропов, — которые стимулировали бы качественный, производительный труд, инициативу и предприимчивость... Необходимо усилить ответственность за соблюдение общегосударственных, общенародных интересов, решительно искоренять ведомственность и местничество» [4, с. 9].

В условиях развитого социалистического общества решается проблема выработки механизма сочетания интересов всего общества, групповых и личных, от эффективности которого в возрастающей степени зависит сознательное и планомерное разрешение противоречий социализма. В своей деятельности личность должна исходить не только из личных, но и из групповых и общественных интересов, а для этого необходимо, чтобы она осознала эти интересы как свои, значимые для себя. Большую роль в выработке такого механизма идентификации общественного с личным в сознании и деятельности личности играет формирование ответственности как качества личности. Таким образом, социальная ответственность как регулятор соотношения интересов социальных субъектов является одним из эффективных средств разрешения противоречий социалистического об-

щества, предпосылкой для развертывания его движущих сил. Данная роль ответственности будет усиливаться в связи с необходимостью научного управления обществом, которое по существу является регулированием противоречий, сознательным соединением противоположностей [2, т. 42, с. 211].

Проявлением политической и ее высшей формы — гражданской ответственности является ответственность за своевременное выявление и разрешение противоречий социалистического общества. Особая ответственность за обеспечение максимально пропорционального, равномерного, гармонического развития социалистического общества лежит на коммунистических партиях. «В социалистическом обществе нет другой политической силы, кроме партии, которая была бы способна полно и последовательно учитывать, сочетать и координировать интересы всех классов и социальных групп, всех наций и народностей, всех поколений общества» [14, № 9, с. 21].

Проведенный анализ позволяет заключить, что исследование категории «социальная ответственность» во взаимосвязи с категорией «социальное противоречие» будет способствовать дальнейшей разработке общей теории ответственности, теории диалектики социализма, а также проблем научного управления социалистическим обществом.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42. 3. Материалы XXVI съезда КПСС.—М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 4. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 22 ноября 1982 года. — М.: Политиздат, 1982. — 30 с. 5. Андронов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. — Коммунист, 1983, № 3, с. 9—23. 6. Афанасьев В. Г. Системность и общество.—М.: Политиздат, 1980.—368 с. 7. Бондарев Г. И. О противоречиях функционирования и развития. — В кн.: Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976, с. 44—51. 8. Буслов К. Социальное единство, противоречия, ответственность. — Минск: Наука и техника, 1972.—172 с. 9. Бутенко А. П. Противоречия развития социализма как общественного строя. — Вopr. филос., 1982, № 10, с. 16—29. 10. Диалектика развития социалистического общества. — М.: Мысль, 1980. — 276 с. 11. Дудель С. П., Козловский В. Е. Проблемы диалектики зрелого социализма. — М.: Мысль, 1981. — 327 с. 12. Ореховский А. И. Ответственность и ее социальная природа.—Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978.—230 с. 13. Плахотный А. Ф. Проблема социальной ответственности. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1981. — 192 с. 14. Семенов В. С. Проблема противоречий в условиях социализма. — Вopr. филос., 1982, № 7, с. 17—32; № 9, с. 3—21. 15. Смирнов Г. Л. Советский человек. — М.: Политиздат, 1980. — 463 с.

Поступила в редколлегию 24.01.83.

МАРКСОВ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ ГОСПОДСТВА
И ПОДЧИНЕНИЯ И ЕГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В документах Коммунистической партии и Советского правительства неоднократно подчеркивалась роль отношений сотрудничества и товарищеской взаимопомощи в развитии и укреплении социалистической коллективности. Эти отношения учитываются при рассмотрении таких проблем, как коммунистическая мораль, социальная структура общества, социалистический образ жизни, производственные отношения социализма и др. Несмотря на многоаспектность рассмотрения отношений сотрудничества и взаимопомощи, их статус в системе общественных отношений социализма до сих пор четко не определен. Это связано с тем, что многие актуальные проблемы теории отношений социалистического общества, в частности проблема производственных отношений, являются дискуссионными и находятся в стадии становления. Сказывается также сложившаяся традиция рассматривать отношения сотрудничества и взаимопомощи как качественную характеристику системы отношений в целом, принимая за основу их формирования социалистическую собственность на средства производства.

Отношения сотрудничества и товарищеской взаимопомощи возникают и формируются в противоположность отношениям господства и подчинения, которыми характеризуются предшествующие антагонистические формации. Учитывая это, особую актуальность приобретает обращение к теоретическому наследию классиков марксизма. На Всесоюзной конференции «Актуальные проблемы общественных наук» отмечалось, что марксовы методологические принципы анализа отношений частной собственности, критика им Прудона и сегодня актуальны как в теоретико-методологическом аспекте, так и в практическом аспекте управленческой деятельности, методах руководства народным хозяйством [2, с. 82].

Всякое производство, как указывал К. Маркс, представляет собой присвоение человеком природы в рамках определенных общественных форм и через их посредство [1, т. 46, ч. 1, с. 23]. Поскольку же ни о каком производстве, а следовательно, ни о каком обществе не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности, ибо присвоение, которое ничего не присваивает, есть противоречие в самом предмете [Там же, с. 24], то развитие и функционирование общества как производственного, социального организма выступает у К. Маркса и Ф. Энгельса как исторически преемственное развитие и функционирование форм собственности.

В марксовом анализе первоначальных форм собственности, составляющих базис первобытно-общинного строя, нас интересует прежде всего следующее положение: субъектом собствен-

ности является не отдельный индивид, а определенная общность — вначале природная, а затем исторически созданная. Отношение индивида к объективным условиям производства опосредствуется его принадлежностью к этой конкретной коллективности, а поскольку собственность есть сознательное отношение индивидов к условиям производства, то объективно она существует как определенная форма коллективных отношений. Осуществляется собственность только через производство. Производство, представляющее собой присвоение объектов субъектами, в то же время является формированием самих объектов, подчинением их субъективной цели и превращением в результаты и воплощения субъективной деятельности [Там же, с. 478]. Поэтому исторически конкретные формы собственности определяются характером связи производящих индивидов с объективными условиями производства.

Первоначальные условия производства не могут быть произведены, они даны человеку как его природное бытие. Природа — это собственное неорганическое наличное бытие человека [Там же, с. 487]. Человек в начале своей истории предстает «данным вместе со своим собственным существованием», образующим его «удлиненное тело» [Там же, с. 480]. Соответственно этому собственность означает первоначально отношение индивида к объективным условиям производства как к своим собственным [Там же, с. 485].

С появлением орудий труда собственность конституируется, так как орудия труда представляют собой элемент собственности, положенный самим трудом [Там же, с. 489—490]. Орудие труда — это предметное воплощение человеческой сущности, его социальное наличное бытие. С появлением орудий труда К. Маркс связывал и появление вторичной, по отношению к природной, общности, созданной самим работником [Там же, с. 490]. Человек вступает в период создания своего предметного мира, своего социального бытия, своих социальных связей.

В историческом процессе выделения человека из природы, становления его социальной сущности первоначальная естественная сращенность производящего субъекта с предметными условиями производства разрушается. Объективные условия производства вследствие действия экономических причин отделяются от непосредственных производителей и противопоставляются им.

На историческом отрезке от первобытно-общинной до капиталистической формации включительно связь субъекта и объективных условий представляет собой господство последних над субъектом. Это находит свое социальное выражение в характере взаимозависимости индивидов, которая с момента разделения труда формируется и развивается как сословная и классовая зависимость, в отношениях господства и подчинения, рас-

сма­три­вае­мых К. Марксом как суще­ствен­ное отно­ше­ние при­со­ве­ния [Там же, с. 491].

К. Маркс выде­лял две исто­ри­че­ские фор­мы отно­ше­ний гос­под­ства и под­чи­не­ния как взаи­мо­зави­си­мо­сти инди­ви­дов в усло­виях част­ной соб­ствен­но­сти и раз­де­ле­ния тру­да: отно­ше­ния лич­ной и вещь­ной зави­си­мо­сти [Там же, с. 100—101]. Эти фор­мы соот­вет­ствуют эта­пам раз­ви­тия обще­ствен­но­го ха­рак­те­ра тру­да и то­вар­но-денеж­ных отно­ше­ний. «Чем мень­шей обще­ствен­ной си­лой об­ла­да­ет сред­ство об­ме­на, — пи­сал К. Маркс, — чем тес­нее оно еще свя­за­но с при­ро­дой непо­сред­ствен­но­го про­дук­та тру­да и непо­сред­ствен­ны­ми по­треб­но­стя­ми об­ме­ни­ва­ю­щих­ся, тем более еще дол­жна быть си­ла той об­щ­но­сти, ко­то­рая свя­зы­ва­ет инди­ви­дов друг с дру­гом — па­три­ар­халь­ное отно­ше­ние, антич­ное об­ще­ство, фео­да­лизм и це­ховой строй...» [Там же, с. 100]. Взаи­мо­от­но­ше­ния инди­ви­дов в этот пе­ри­од пред­став­ля­ются более лич­ны­ми, чем в по­сле­дую­щую исто­ри­че­скую эпо­ху. Тем не менее они под­чи­не­ны об­щим классо­вым отно­ше­ния­м, скла­ды­ва­ю­щим­ся на ос­но­ве обще­ствен­но­го раз­де­ле­ния тру­да. К. Маркс под­чер­ки­вал, что, не­смот­ря на ка­жу­щий­ся лич­ный ха­рак­тер отно­ше­ний, инди­ви­ды «всту­па­ют в об­ще­ние толь­ко как инди­ви­ды в той или иной (соци­аль­ной) опре­де­лен­но­сти, как фео­дал и вас­сал, поме­щик и крепост­ной и т. д., или как чле­ны ка­сты и т. д., или как чле­ны ка­ко­го-ли­бо сос­ло­вия и т. д.» [Там же, с. 106—107].

При раз­ви­той си­сте­ме об­ме­на, в рам­ках денеж­ных отно­ше­ний узы лич­ной зави­си­мо­сти раз­ор­ва­ны, лич­ное огра­ни­че­ние пе­ре­хо­дит во все­об­щую фор­му вещь­но­го огра­ни­че­ния. На этом эта­пе все обу­слов­лен­но­сти, все опре­де­лен­но­сти инди­ви­дов сводят­ся к на­коп­лен­но­му тру­ду (или част­ной соб­ствен­но­сти) и дей­стви­тель­но­му тру­ду. «Если одно из них пре­кра­ща­ет­ся, — от­ме­чал К. Маркс и Ф. Эн­гельс, — то пре­кра­ща­ет­ся и об­ще­ние» [1, т. 3, с. 66]. В про­цесс своей жиз­не­де­ятель­но­сти инди­ви­ды всту­па­ют как живое оли­це­тво­ре­ние этих усло­вий, ко­то­рые но­сят классо­вых ха­рак­тер. Их пре­одо­ле­ние, слу­чай­но воз­мож­ное для от­дель­но­го инди­ви­да, ука­зы­вал К. Маркс, не­воз­мож­но для класса в це­лом без их уни­что­же­ния [1, т. 46, ч. I, с. 107].

Отно­ше­ния гос­под­ства и под­чи­не­ния в своей лич­ной фор­ме и в опос­ред­ство­ван­ной вещь­ной фор­ме пред­став­ля­ют со­бой не­об­хо­ди­мый фер­мент как раз­ви­тия, так и раз­ло­же­ния соот­вет­ствен­но ра­бов­ла­дель­че­ско­го, фео­дал­но­го и ка­пи­та­ли­сти­че­ско­го спо­со­бов про­из­вод­ства и выра­жа­ют их огра­ни­чен­ность [Там же, с. 491].

В отно­ше­ниях ка­пи­та­ла и наем­но­го тру­да вс­кры­ва­ет­ся э­ко­но­ми­че­ская су­щ­ность отно­ше­ний гос­под­ства и под­чи­не­ния, ко­то­рые в пред­ше­ствую­щий исто­ри­че­ский пе­ри­од име­ют от­лич­ные от их э­ко­но­ми­че­ско­го со­дер­жа­ния фор­мы. Это свя­за­но с тем, что част­ная соб­ствен­ность еще не офор­ми­лась в ка­пи­тал. На начальных ступе­нях сво­е­го раз­ви­тия ка­пи­тал су­ще­ствует как

земельная и сословная собственность, имеет естественно сложившуюся форму и тесно связан с определенной формой общности. Формой сословного капитала, который заключался в жилище, ремесленных инструментах, естественно сложившейся и наследственной клиентуре и был непосредственно связан с определенным трудом, является патриархализм. Наличие капитала как земельной собственности, объединявшей индивидов территориальной связью (иерархическая структура феодального землевладения), имеет следствием то, что собственник пользуется своей властью в качестве политического или теократического властителя [1, т. 25, ч. II, с. 453]. Поэтому отношения господства и подчинения проявляются в политических и религиозных формах.

С развитием частной собственности в капитал отношения господства и подчинения сбрасывают с себя патриархальную, политическую и религиозную оболочки. Эксплуатация труда выступает в тождественной своему содержанию экономической форме. Отношение владельцев условий производства и работников превращается в чистое денежное отношение купли и продажи.

Капитал, согласно К. Марксу, включает в себе классовые отношения, определенный характер общества [1, т. 24, с. 65, 121]. Отношение господства и подчинения проявляется в процессе производства постольку, поскольку оно существует как таковое в акте обращения, «в тех различных основных экономических условиях, при которых противостоят друг другу продавец и покупатель, в их классовом отношении» [Там же, с. 38]. Обмен труда живого на труд овеществленный, на деньги, представляющийся условием собственности рабочего, в действительности имеет своей основой отсутствие у него собственности.

Как классовое отношение буржуазного общества, отношение господства и подчинения является, с одной стороны, предпосылкой, а с другой — результатом капиталистического процесса воспроизводства. Производство капиталистов и наемных рабочих, воспроизводство отношений между капиталом и трудом, капитализм и рабочий рассматриваются К. Марксом как основной результат процесса производства и процесса увеличения стоимости. «Это социальное отношение, производственное отношение является, — подчеркивал он, — еще более важным результатом, чем его материальные результаты» [1, т. 46, ч. I, с. 447].

Отношение господства и подчинения как непосредственный социальный продукт процесса материального производства охватывает сферу духовного производства, выражается согласно К. Марксу, в политических, юридических и других формах и представляет собой явление, присущее всем сферам общественной жизни. К. Маркс писал, что «экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, то есть источников

жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости» [1, т. 17, с. 445]. Господствующий класс определяет свою историческую эпоху в целом, «во всем ее объеме» и «во всех областях» [1, т. 3, с. 46]. Следовательно, отношения господства и подчинения могут быть определены как форма отношений частной собственности, выражающая характер взаимозависимости индивидов — представителей классов и социальных групп. Однако требуется уточнить специфику отношений собственности в системе общественных отношений.

Отметим, что марксов методологический подход к проблеме собственности имеет ряд особенностей. Во-первых, экономическим содержанием собственности охватывается вся конкретная совокупность производственных отношений. В письме к И. Б. Швейцеру от 24 января 1865 г. «О Прудоне» К. Маркс писал: «То, о чем в сущности шла речь у Прудона, была существующая, современная буржуазная собственность. На вопрос: что она такое? — можно было ответить только критическим анализом «политической экономии», охватывающей совокупность этих отношений собственности не в их юридическом выражении как волевых отношений, а в их реальной форме, то есть как производственных отношений» [1, т. 16, с. 26]. Во-вторых, эти отношения представлены в собственности в единстве с их субъектом. К. Маркс неоднократно подчеркивал, что капитал включает в себя классовый характер общества. Критикуя «обычную» политическую экономию, обращающую внимание лишь на вещи, он отмечал, что капитал неизбежно и одновременно — капиталист, ибо «в понятии капитала дано то, что объективные условия труда (а они представляют собственную продукт труда) по отношению к труду персонифицируются, или, что то же самое, что они выступают как собственность личности, чуждой рабочему. Понятием капитала охватывается и капиталист» [1, т. 46, ч. I, с. 505]. В-третьих, то, что экономические отношения представлены в собственности не только в своем единстве, но и в единстве с субъектом, позволило классикам марксизма рассматривать их в качестве социально-экономической структуры — «гражданского общества».

Перечисленные методологические принципы подхода к анализу отношений собственности начали утверждаться в советской экономической и философской литературе сравнительно недавно. До этого отношения собственности рассматривались как самостоятельный элемент системы производственных отношений наряду с отношениями производства, обмена, распределения и потребления, который конституирует экономический строй общества. Предпринимались также попытки рассмотрения собственности как волевого отношения, имеющего лишь идеологические формы [9].

После дискуссии о структурных элементах производственных отношений большинство авторов [3, с. 40—47; 4, с. 94—119; 6, с. 3—20; 7, с. 5—39; 8, с. 3—39] рассматривают собственность как категорию, которой охватывается вся конкретная совокупность производственных отношений и выражается их социально-экономическая сущность. Методологический подход к анализу отношений собственности в качестве экономической структуры общества, поскольку в них выражен момент классовой обусловленности, оценивается как перспективный [5, с. 146]. Отмечается, что собственность на средства производства «вне ее проявления в классовой структуре, вне взаимоотношений определенных социальных групп в производстве, вне определенных форм распределения продуктов, собственность в качестве самостоятельного и независимого отношения есть метафизическая и юридическая иллюзия» [8, с. 24—25]. При этом подчеркивается идентичность экономической стороны классовых отношений отношениям собственности [Там же, с. 24].

Данный подход представляется принципиально важным, так как в нем утверждается не только марксистское понимание собственности, но по-новому освещается проблема социальных отношений в так называемом «узком смысле».

Основываясь на положении К. Маркса о тождестве отношений собственности со всей совокупностью производственных отношений, с экономической структурой общества, можно сделать вывод о том, что социальные отношения в «узком смысле слова» и есть отношения собственности как совокупность экономических отношений в их субъектной, классовой обусловленности. Таким образом, отношения господства и подчинения предстают как исторически конкретная форма социальных отношений.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, 16, 17, 24, 25, ч. II, 46, ч. I. 2. Актуальные проблемы теории общественных отношений. — В кн.: Методологические проблемы общественных наук. М., 1979, с. 75—85. 3. Категории исторического материализма. — М.: Мысль, 1980. — 351 с. 4. Мокронос В. Г., Москаленко А. Т. Методологические проблемы исследования общественных отношений и личности. — Новосибирск: Наука, 1981. — 294 с. 5. Перфильев М. Н. Общественные отношения. — Л.: Наука, 1974. — 236 с. 6. Покрытан А. К. Методологические проблемы экономической теории социализма. — М.: Экономика, 1970. — 206 с. 7. Покрытан А. К. Производственные отношения и экономические законы социализма. — М.: Мысль, 1971. — 248 с. 8. Покрытан А. К., Касаткина В. И., Мазур В. Н. Социалистическая собственность при переходе к коммунизму. — М.: Мысль, 1964. — 152 с. 9. Шкредов В. П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. — М.: Изд-во МГУ, 1973. — 262 с.

Поступила в редколлегию 12.12.82.

О РАЗРАБОТКЕ КАТЕГОРИИ «СОЦИАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ»
ЛИЧНОСТИ

Проблема социальной зрелости личности — одна из актуальных проблем общественных наук, имеющая большое теоретическое и практическое значение. В философской литературе утвердились такие понятия, как «политическая зрелость», «нравственная зрелость», «гражданская зрелость», «профессиональная зрелость» и др. Понятие зрелости употребляется в партийно-государственных документах [2, с. 8], выступлениях руководителей Коммунистической партии и Советского государства.

Широкое использование данного понятия объясняется богатством его содержания, что позволяет всесторонне исследовать динамику развития личности. Вместе с тем социальная значимость понятия зрелости требует ее дальнейшего изучения. Цель статьи — проанализировать различные определения понятия «социальная зрелость личности», выявить специфику философско-социологического подхода к ее изучению.

Прежде всего отметим, что понятие «зрелость» применительно к личности первоначально использовалось в конкретных науках — таких, как антропология, физиология, геронтология, медицина, возрастная психология, педагогика. В рамках этих наук предпринимаются попытки создать концепции онтогенеза как целостного цикла индивидуального развития. Зрелость выступает здесь как одна из жизненных фаз наряду с детством, юностью, старостью. Если в естественных науках основное внимание уделяется физической зрелости индивидов, рассматриваемой как достижение «оптимума физиологического состояния и максимальной производительности» [9, с. 87], то в возрастной психологии зрелость трактуется как этап жизненного пути человека, характеризуемый устойчивостью социального положения, профессиональными достижениями и сложившейся системой ценностных ориентаций личности.

Длительное время категория «социальная зрелость» не разрабатывалась в рамках социологии, что отразилось на конкретно-научных исследованиях данной проблемы, в которых представления о зрелости носят в основном эмпирический характер. Поэтому дальнейшая разработка категории «социальная зрелость личности» имеет существенное значение для создания научно обоснованной периодизации жизненного пути индивида, необходимость которой назрела и в рамках собственно социологической науки [13, с. 135]. Такая периодизация может стать основой социального прогнозирования и социального планирования развития социалистической личности, будет способствовать решению задач по формированию нового человека, поставленных XXVI съездом КПСС [1, с. 63].

В настоящее время все глубже осознается необходимость использования в конкретных науках методологических установок, выработанных в социологии. Например, в психологии разрабатывается понятие «психологическая зрелость личности» [12].

Несмотря на несомненную ценность исследований зрелости в психологии, эту проблему нельзя свести к характеристике духовного мира человека. Ограниченность психологического подхода состоит в том, что он позволяет раскрыть идеальную, субъективную сторону зрелости, которая характеризует не только сознание личности, но и ее поведение, проявляется во всей ее деятельности. Кроме того, при психологическом подходе остается в тени социальная обусловленность зрелости личности. Эти недостатки можно преодолеть только в рамках более широкого, философско-социологического подхода к проблеме.

На наш взгляд, неправомерно использовать понятие «социальная зрелость личности» как однопорядковое с понятиями, например, физиологической, интеллектуальной, профессиональной, нравственной зрелости [11, с. 57]. Подобная позиция — следствие методологической непоследовательности, когда не учитывается специфика анализа феномена зрелости на разных уровнях научного знания. Конкретные науки изучают отдельные стороны этого сложного явления. Синтезирующая же роль в этих исследованиях принадлежит марксистско-ленинской философии, призванной раскрыть сущность зрелости личности, ее структуру, закономерности формирования и т. д. Поэтому понятие «социальная зрелость личности» выступает как базовое, выражающее специфику философско-социологического рассмотрения данной проблемы. Оно является родовым понятием, без выявления сущности которого невозможно эффективное использование видовых понятий (политическая, нравственная, психологическая зрелость и т. д.).

В чем состоит специфика философско-социологического подхода к проблеме зрелости личности? Здесь можно выделить два аспекта. Во-первых, выявление сущности зрелости как особого качественного состояния в развитии любой системы и человека в частности; во-вторых, раскрытие сущности и социальной обусловленности зрелости личности как показателя ее интегрированности в социальное целое.

Первый аспект предполагает рассмотрение категории «зрелость» в контексте таких категорий, как движение, развитие, изменение, прогресс. Вероятно, понятие «зрелость» отражает определенный, относительно длительный этап прогрессивного развития объекта, такую его качественную определенность, при которой большинство заложенных в нем возможностей превращаются в действительность. К сожалению, в этом направлении проблема зрелости исследована недостаточно. Между тем без уяснения того, что представляет собой зрелость как тако-

вая, зрелость вообще, вряд ли возможно понять сущность и критерии зрелости личности, коллектива и общества в целом.

Понятие зрелости личности трактуется в социологической литературе по-разному. Большинство исследователей рассматривают социальное созревание личности как многомерный процесс включения индивидов в общественную жизнь, в структуру той или иной социальной общности. Поэтому социальная зрелость является важнейшим показателем этого процесса. Однако при раскрытии содержания данного понятия мнения исследователей расходятся. Одни авторы связывают его с «наличием устоявшихся ценностных ориентаций» [4, с. 48], другие — с превращением человека из объекта воспитания преимущественно в субъект деятельности и самовоспитания [10, с. 34], третьи определяют социальную зрелость как «способность человека выполнять существенные функции в обществе» [5, с. 171]. Ряд авторов связывают социальную зрелость личности с ответственностью [8, с. 19].

Каждый из этих подходов правомерен, но вместе с тем им присуща односторонность. Наиболее полным следует считать определение И. М. Даниленко: «Социальная зрелость личности — это такая степень усвоения ею культуры, которая позволяет человеку выступать в качестве субъекта труда, познания и общения» [6, с. 10]. Используя функциональный подход, автор стремится показать, что зрелость личности проявляется прежде всего в деятельности. Он указывает также на необходимые условия, позволяющие человеку выполнять свои общественные функции.

Однако определение И. М. Даниленко не лишено существенных недостатков. Во-первых, вряд ли можно ограничивать зрелость личности тремя, пусть даже важными сферами деятельности. Во-вторых, данное определение носит абстрактный характер. Между тем известно, что содержание и соответственно критерии социальной зрелости личности менялись от эпохи к эпохе, от формации к формации. Чрезмерная абстрактность может привести к тому, что социальная зрелость превратится в нормативное понятие, в идеал, далекий от реальной действительности. В-третьих, в определении не учитывается, что понятие «зрелость», выражающее динамику развития индивида, выступает как особое качественное состояние, которое проявляется в его способности быть субъектом деятельности. Другими словами, функциональный подход должен быть дополнен подходом, который можно назвать стадийным. В своем единстве они позволяют раскрыть сущность социальной зрелости личности.

Учитывая высказанные замечания, попытаемся дать определение данной категории.

Отметим, что для понимания сущности социальной зрелости личности важное значение имеет категория деятельности. Опре-

деляющая роль деятельности, прежде всего трудовой, в происхождении и развитии человека, его сознания и самосознания раскрыта основоположниками марксизма-ленинизма. Они указывали, что способность к деятельности — важнейшая существенная характеристика личности, благодаря которой и посредством которой формируются и реализуются все другие социальные качества. Свойство зрелости не дается человеку от рождения и не приходит само собой. Оно формируется в процессе целесообразной деятельности. Превращение индивида в субъект общественной жизни, способный активно выполнять предписываемые его социальным статусом роли, означает наступление социальной зрелости.

Благодаря деятельности разнообразие общественных отношений переводится во внутренний мир личности, социальный опыт становится индивидуальным. В этом плане зрелость может рассматриваться как мера овладения индивидом своей общественной сущностью, позволяющей ему выступать полноценным субъектом различных видов общественной деятельности. Следует иметь в виду, что эта мера носит исторически конкретный характер и представляет собой минимально необходимый в данных конкретно-исторических условиях уровень развитости личности.

Болгарский ученый М. Драганов высказал правильную мысль о том, что «нельзя отождествлять зрелость с развитостью личности» [7, с. 315]. Социальная зрелость личности как общесоциологическая категория указывает на тот определенный рубеж и качественно новый этап в развитии человека, когда он оказывается способным к выполнению основных социальных функций. Следовательно, социальная зрелость выражает также минимум социальных качеств, необходимых для выполнения этих функций и обусловленных теми требованиями, которые данное конкретное общество предъявляет к своим членам. В этом проявляется одно из важнейших положений марксистской методологии — необходимость конкретно-исторического анализа явлений. Таким образом, такой подход позволяет решить задачу достижения социальной зрелости, делает ее осуществимой не только для наиболее развитых личностей, но и для подавляющего большинства людей.

Уровень социальной сформированности индивидов в конечном счете зависит и определяется уровнем развития существующих общественных отношений. Иначе говоря, зрелость личности обусловлена зрелостью общества, членом которого она является. Однако это не просто односторонняя связь, а взаимодействие. С одной стороны, чем прогрессивней общество, тем более значительные задачи оно перед собой ставит, тем более совершенную, более зрелую личность оно требует и формирует для осуществления этих задач. С другой стороны, чем выше социальная зрелость людей, тем быстрее движется общество

в своем прогрессивном развитии, тем скорее решаются стоящие перед ним задачи. Исследование диалектики зрелости общества и личности особенно важно в рамках развитого социализма.

Таким образом, проблема зрелости личности—сложная, комплексная проблема, изучаемая в рамках общественных и естественных наук. Ядром этой проблемы является вопрос социального становления и самоопределения человека. Рассматриваемая с позиций марксистско-ленинской социологии, социальная зрелость выступает важнейшей интегративной характеристикой личности, выражающей такое качественное состояние ее развития, такую степень овладения богатством общественных отношений, которые позволяют ей выступать полноценным субъектом общественно-преобразующей деятельности в определенных конкретно-исторических условиях.

Список литературы: 1. *Материалы XXVI съезда КПСС.* — М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 2. *О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы.* Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. — М.: Политиздат, 1979. — 15 с. 3. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. — 339 с. 4. *Андреевкова Н. В.* Проблема социализации личности. — В кн.: *Социальные исследования.* М., 1970, вып. 3, с. 38—52. 5. *Будева Л. П.* Человек: деятельность и общение. — М.: Мысль, 1978. — 216 с. 6. *Даниленко И. М.* Моральные критерии социальной зрелости личности. — М.: Знание, 1980. — 64 с. 7. *Драганов М.* Переход к зрелости как этап социализации личности. — В кн.: *Идеологический процесс и воспитание личности.* М., 1980, с. 312—327. 8. *Иконникова С. Н., Лисовский В. Т.* На пороге гражданской зрелости. — Л.: Лениздат, 1982. — 176 с. 9. *Карсаевская Т. В., Шаталов А. Т.* Философские аспекты геронтологии. — М.: Наука, 1978. — 216 с. 10. *Марков В. С.* Проблемы социализации молодого поколения. — В кн.: *Молодежь: проблемы формирования и воспитания.* М., 1978, с. 24—44. 11. *Моргун В. Ф., Ткачева Н. Ю.* Проблема периодизации развития личности в психологии. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — 81 с. 12. *Якобсон П. М.* Психологические компоненты и критерии становления зрелой личности. — *Психолог. журнал,* 1981, № 4, с. 141—149. 13. *Ярошенко Т. М.* Возраст в социологическом исследовании. — *Социол. исслед.,* 1977, № 1, с. 133—139.

Поступила в редколлегию 10.01.83.

В. Ф. СУХИНА, канд. филос. наук

О ЕДИНСТВЕ ЧУВСТВЕННОГО И ЛОГИЧЕСКОГО В МАТЕМАТИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

В настоящее время математика становится важным орудием познания, способствующим раскрытию сущности изучаемых процессов. На XXVI съезде указывалось на необходимость развития математической теории, повышения эффективности ее использования в прикладных целях [1, с. 146]. В этой связи возрастает роль исследования закономерностей процесса математического познания, в том числе соотношения чувственного и логического моментов в этом процессе.

Актуальность темы определяется также практическими вопросами изучения математики, ее преподавания. Важно не

столько приобретение совокупности знаний, сколько постижение процесса их усвоения и умения их использовать. А это во многом определяется тем, как построено обучение.

Современное состояние обучения математике в средней школе вызывает озабоченность [12]. У основной массы учащихся отсутствуют умения и навыки, необходимые в дальнейшей практической деятельности. В значительной степени это объясняется чрезмерным увлечением формализмами, абстракциями теоретико-множественного подхода в ущерб развитию у учащихся наглядных представлений, пространственного воображения, практического умения в использовании полученных знаний. Характерно, что тем, кто продолжает изучение математики в вузах, приходится в известной мере переучиваться, поскольку многие чрезмерно усложненные понятия, знаки и символы, усвоенные в школе, не находят применения.

Цель статьи — показать, что в процессе математического познания необходимо учитывать не только логику (дедукцию, аксиоматику), но и внелогические, чувственные моменты (интуитивные, наглядные, эвристические) и разумно сочетать их. Это обусловлено историей и логикой развития математического знания, его природой.

Развитие математики определялось двумя основными, объективно существующими источниками. Один из них, внешний (исторически первый), связан с необходимостью решения математическими средствами задач, лежащих за пределами математики. Второй, внутренний (он привел к выделению математики как науки), вытекает из необходимости объединения математических фактов в теорию, развиваемую по ее внутренним законам. Два направления в развитии математики, два ее аспекта, отвечающие этим двум источникам, называют соответственно **прикладным** и **теоретическим** («чистым»).

На ранних стадиях развития математики оба направления прослеживаются особенно отчетливо. В частности, чистая математика возникла впервые в древней Греции; при этом был выработан дедуктивный способ построения теории, согласно которому все утверждения в той или иной области выводятся из некоторых недоказываемых посылок с помощью формальной логики. С тех пор этот способ изложения, включающий аксиоматический метод как одну из форм дедуктивного метода, считается одной из важнейших (если не важнейшей), характерных черт математики, ее «объединяющим началом» [6, с. 247].

Нередко аксиоматически построенную теорию рассматривают не только как логически завершенную, но и как универсальную и неизменную. Примером тому в истории математики явилось двухтысячелетнее — до середины XIX вв. — царствование геометрии Эвклида, как единственной геометрической системы. В действительности логическая завершенность теории не только не исключает ее развития, но, напротив, предполагает

такое развитие, т. е. «получение», в пределах ее применимости, новых ранее неизвестных фактов и положений [11, с. 344]. Еще Ф. Энгельс говорил, что даже формальная логика представляет метод для отыскания новых результатов. Аксиоматическую систему следует рассматривать как такую теоретическую систему, которая может развиваться и развивается при соответствующих условиях, так как аксиоматический метод ведет от известного к неизвестному и увеличивает научное знание. Каждый новый этап дает материал для построения все более совершенной аксиоматической системы в данной области знания. Несмотря на несовершенство (которое следует также из теоремы Геделя о неполноте), аксиоматика, как отмечает М. Бунге, является «лучшим из имеющихся в нашем распоряжении способов формулирования теории. Поэтому отказ от аксиоматики по причинам ее ограниченности аналогичен призыву отказаться от продолжения человеческого рода из-за несовершенства его представителей» [5, с. 188].

Прикладную математику можно определить как процесс построения математических моделей различных явлений. В ней наблюдается более низкий уровень строгости, что обусловлено рядом обстоятельств, а именно: содержатся формулировки, включающие определенные понятия, доказательства, основанные на аналогии, на физическом или численном (математическом) эксперименте, доказательства, основанные на индукции, использование понятий вне рамок их первоначального определения и др.

В XVI—XVIII вв. оба направления математики — «чистая» и прикладная — непрерывно взаимодействовали и дополняли друг друга. Однако в XIX в. произошел поворот, связанный со значительным повышением роли вопросов обоснования и обобщающих концепций. Основная часть математики была перестроена на базе теории множеств, теоретическое направление стало доминирующим как в науке, так и в преподавании. Этот поворот был необходим и поэтому для своего времени прогрессивен.

В настоящее время наступил качественно новый период, начало которого условно можно связать с появлением первых цифровых ЭВМ. Для него характерно своеобразное «двоевластие». С одной стороны, продолжает активно развиваться и добивается выдающихся результатов «чистая» математика (прежде всего, математика теоретико-множественного направления). С другой стороны, все большую значимость приобретает изучение средствами математики различных процессов, построение и исследование их математических моделей, т. е. развитие прикладной математики.

В «чистой» математике все утверждения должны включать только формально определенные понятия, логические соотношения между которыми потенциально полностью представляют

все следствия. Прикладная математика не может ограничиваться только дедуктивными рассуждениями. Особенно это характерно для стадии постановки задачи, формулировки математической модели на основании выбора существенных факторов для ее построения. Используемые здесь понятия могут не обладать полной логической четкостью, так как за ними видится модель некоторого реального объекта. Когда же задача поставлена (математическая модель явления создана), вступает в силу «чистая» логика. С помощью строгих аналитических или численных методов происходит исследование модели, получение необходимой качественной и количественной информации. На стадии интерпретации результатов мы вновь обращаемся к отобранным ранее факторам и соответственным «начальным условиям» (**характеризующим изучаемое явление**), сопоставляя с ними полученные результаты. Помимо теоретического обоснования возможности перенесения полученных данных на изучаемое явление, здесь, как и на стадии постановки задачи, «работают» воображение, интуитивные, эвристические соображения. В процессе осуществления множества «обратных связей» происходит модификация модели, ее усовершенствование. Таким образом, стихийно выработался стиль рассуждений, который составляет логическую основу прикладной математики и представляет собой сочетание дедуктивных рассуждений и рассуждений, неприемлемых с точки зрения чистой математики, но способных при разумном их применении приводить к правильным результатам. Это стиль математических рассуждений «на прикладном уровне строгости». Он сейчас столь же распространен среди прикладников, как дедуктивный стиль среди чистых математиков. С помощью таких рассуждений мы можем приходить к практически достоверным результатам.

Нередко можно услышать от нематематиков, что математика состоит исключительно в образовании заключений из явно выраженных посылок, единственным условием которых является их логическая непротиворечивость. Так можно говорить лишь о законченных математических теориях. Однако, как замечает Ф. Клейн, сам исследователь в области математики работает не таким строго дедуктивным образом [9]. Наоборот, он существенно пользуется своим воображением и продвигается индуктивно с помощью эвристических соображений. Дедуктивный (включающий собственно аксиоматический) метод, как и любой метод, применяющий положения формальной и диалектической логики, не может обходиться без фантазии. В. И. Ленин указывал, что даже в самом элементарном обобщении имеется кусочек фантазии. В поиске математической истины используются такие методы, как аналогия, интуиция, наглядные представления, эстетические категории (красота и изящество результата) и др.

Особое внимание необходимо уделить роли интуиции в научном, в том числе, математическом творчестве. В исследовании этой проблемы большая заслуга принадлежит советским философам [2]. Предпринята попытка выяснения гносеологической сущности природы интуиции, что требует анализа самого процесса познания. Некоторые авторы рассматривают интуицию как такой познавательный процесс, который нельзя отнести ни к чувственному, ни к логическому познанию, поэтому решение вопроса о ее гносеологической природе надо искать во взаимодействии чувственного и логического [4]. При этом подчеркивается, что особое значение интуиция приобретает в решении задач моделирования объектов, недоступных восприятию, поскольку «только с ее помощью возможно создание наглядных образов микрообъектов, многомерного пространства и т. д.» [8, с. 41]. Думаю, что здесь речь идет о чувственной наглядности, хотя это не оговаривается специально. Но, по-видимому, никакая интуиция не поможет создать чувственный образ многомерного пространства. К наглядным представлениям мы обращаемся постоянно. Но есть такие понятия в науке, которым нельзя сопоставить адекватного чувственно-наглядного образа. Мы можем говорить лишь о логической наглядности, или «абстрактной чувственности геометра», по выражению К. Маркса. Абстрактно-логическая наглядность заключается в умении устанавливать связи между объектами исследования, сопоставлять их с другими, известными нам объектами, вызывать какие-то более или менее устойчивые ассоциации, связывающие математические знаки и формулы с понятиями, и т. д. Так, для неспециалиста программа, вводимая в ЭВМ, является не более чем набором цифр и символов, за которыми ее автор-математик четко представляет себе следование абстрактно-математических образов, весь ход работы программы. Собственно говоря, без такого представления составить программу было бы невозможно.

Проявляя в различной степени чувственные и логические моменты, интуиция может выступать в разных формах. В прикладной математике на этапе постановки задачи (формализация исходных положений, выбор существенных факторов для построения модели), а также интерпретации результатов (перенос знаний с модели на оригинал) интуиция проявляется как прямое усмотрение объективной связи вещей, носит чувственно-наглядный характер. Когда же задача сформулирована, возникает вопрос, какой метод ее решения более приемлем, каков путь ее логического решения. Здесь «срабатывает» интуиция-догадка, способность в распознавании определенных допустимых схем предположений. Это чувство дедуктивной логики особенно характерно для математиков-теоретиков на стадии предугадывания теоремы, которое предстоит еще подтвердить или опровергнуть путем доказательства.

В данной статье не ставится задача выяснения сущности интуиции. Этот вопрос затронут лишь потому, что в западной литературе математическая интуиция иногда противопоставляется логике [10, с. 68—71]. Противопоставление логического подхода интуитивному разрывает, противопоставляет две тенденции, которые существуют в математике: тенденцию к абстракции, которая выражается в выработке логической точки зрения на основе различного материала и приведении этого материала в систематическую связь, и тенденцию к наглядности, которая проявляется в стремлении к живому пониманию объектов и их внутренних отношений.

История развития математического знания подтверждает неразрывную связь этих тенденций. Интересно проанализировать, в какой степени можно основать теоретическую («чистую») математику на одной только логике. Остановимся, в частности, на математическом анализе. Примерно до середины XVIII в., на протяжении 150 лет со времени возникновения математического анализа его развитие происходило на основе геометрической и физической интуиции. Действительно, ни Л. Эйлер, ни О. Л. Коши никогда не описывали системы действительных чисел формально (как единственное полное упорядоченное поле). Как пишет Г. Биркгофф [3, с. 80], Л. Эйлер, наверное, представлял себе действительное число наглядно, как бесконечную дробь или как точку на начерченной прямой с нанесенной на нее шкалой. Не давал он и общего определения понятия «функция». Он просто наглядно представлял себе различные задания функций: формулами, графиками, таблицами приближенных численных значений и т. д.

Поиски бóльшей логической строгости в анализе продолжались примерно с середины XVIII в. до первой мировой войны. Одно из блестящих достижений этого периода — открытие теории множеств Кантора, которая, казалось, была чисто дедуктивной. Однако вскоре выяснилось, что теория множеств Кантора, положенная им в основу математики, ведет к ряду парадоксов и глубоких вопросов, нерешенных и по сей день. Парадоксы явились следствием того, что исходные понятия теории множеств Кантора были определены им на наивном, интуитивном, а не строго логическом уровне.

Даже творцу «Начал» Эвклиду при построении геометрии на основе аксиом не удалось ограничиться чисто логическими средствами. Эта работа, претендующая быть строго логической, строится на интуитивных доводах, недостаточно четком введении первоначальных понятий и определении новых понятий, на не всегда осмысленных доказательствах.

Таким образом, история развития математического анализа и геометрии подтверждает мысль о том, что теоретическая математика основана не только на одной логике, но и содержит «внелогические» элементы. К ним, кроме интуиции, следует от-

нести также чувство математической красоты, изящества результата, математического наслаждения и пр. Однако не следует отрицать объективную необходимость логических рассуждений. Нельзя согласиться с утверждением, что математика — это женщина, а логика — ее одежда [10, с. 70]. Математика не сводится к логике, но без логики нет математики. «Одеждой» математики скорее всего можно назвать внешнюю форму записи математических фактов, представляющую собой довольно однообразную (особенно для неспециалиста) цепочку логических символов. Эти символы действительно являются внешним отражением сущности математики.

Сторонники строго математического подхода требуют бескомпромиссного совершенства. Никаких логических разрывов и белых пятен при решении поставленных проблем не допускается, и результат должен вытекать из неразрывной цепи безупречных рассуждений. Не прибегая к «строгим доказательствам», надо держаться в разумных пределах, не стремясь сводить все к аксиомам, помнить, что понятие строгости является относительным и историческим. Нет и не может быть ни абсолютной строгости, ни абсолютной точности. Уровень строгости различен в различных областях знания и в человеческой деятельности вообще. Он меняется с развитием этих областей, стихийно складываясь в соответствии с их задачами и методами. Уровень строгости при изложении математических методов определяется потребностью практики в широком смысле этого слова.

Говоря о психологических исследованиях творчества в математике, проведенных Пойа и Ж. Адамаром, Г. Биркгофф высказывает мысль о том, что «между математиками уже в детстве существуют значительные различия» [3, с. 61—62]. Так, у математиков различна степень обращения к зрительному воображению при открытии и доказательстве теорем. Даже в абстрактной дискретной математике зрение помогает действиям с символами. В качестве примера укажем на нынешнюю популярность «погони за диаграммами» в алгебре (особенно в теории гомологий). При построении доказательства очень часто используются те наглядные соображения, которые привели к формулировке теоремы, только теперь они выступают в форме идеи доказательства. Следовательно, сам процесс доказательства диалектически объединяет наглядно-интуитивные представления, соединяющие в скрытой форме весь человеческий опыт, с формально логическими построениями, причем наглядно-интуитивные представления присутствуют в доказательстве в замаскированном виде.

Итак, хотя математическое познание специфично, оно подчиняется общим закономерностям процесса познания, является единством чувственного и логического моментов. В литературе

нередко в качестве оппозиции логическому отмечается интуитивное как синоним внелогического. Однако само интуитивное характеризуется чувственными и логическими моментами, неразрывно связанными друг с другом. Чувственное в математике — это не только воображаемое, образное, чувственно-наглядное, но и такое чувственное, которое, как отмечал Гегель, абстрактно и не имеет наличного бытия [7, с. 111] (логическая наглядность, или «абстрактная чувствительность геометра», по словам К. Маркса; чувство дедуктивной логики, математической красоты и др.). Использование интуиции, фантазии, математического аппарата, логики, чувства гармонии, красоты происходит не последовательно одно за другим; это постоянно взаимодействующие между собой моменты процесса математического познания. Их взаимодействие имеет место как в прикладной, так и в теоретической математике, проявляясь по-разному в каждом из этих направлений.

Чувственное и логическое — не абсолютные, а относительные противоположности. Нет только «чувственного» или только «логического» знания. Неразрывная связь чувственного и логического в математике прослеживается также в том, что чувственное должно быть понято, а логическое нередко находит свое практическое применение. Рассмотрение соотношения чувственного и логического в математическом познании доказывает единство математики. Между прикладной и неприкладной математикой нет четкой грани. В задачах прикладной математики возможны аксиоматически-дедуктивные построения. Но и теоретическая («чистая») математика не может быть безукоризненно дедуктивной. Она является скорее всего «кусочно-дедуктивной» теорией.

В обучении математике необходимо находить разумное равновесие между развитием наглядного, интуитивного и строго логического мышления. Это способствует превращению математики в действенное орудие познания, расширяющее средства человека для проникновения в тайны природы и использования ее ресурсов.

Список литературы: 1. *Материалы XXVI съезда КПСС.* — М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 2. *Асмус В. Ф.* Проблема интуиции в философии и математике. — М.: Мысль, 1965. — 312 с. 3. *Биркгофф Г.* Математика и психология. — М.: Сов. радио, 1973. — 96 с. 4. *Бранский В. П.* Философское значение «проблемы наглядности» в современной физике. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. — 192 с. 5. *Бунге М.* Философия физики. — М.: Прогресс, 1975. — 333 с. 6. *Бурбаки Н.* Архитектура математики. Очерки по истории математики. — М.: Изд-во иностр. лит., 1963. — 292 с. 7. *Гегель Г. В. Ф.* Соч.: В 3-х т. — М.: Мысль, 1974—1977. 8. *Кармин А. С., Хайкин Е. П.* Творческая интуиция в науке. — М.: Знание, 1971. — 48 с. 9. *Клайн Ф.* Элементарная математика с точки зрения высшей. — М.: Гостехиздат, 1933. — Т. 1. 356 с. 10. *Кудрявцев Л. Д.* Мысли о современной математике и ее изучении. — М.: Наука, 1977. — 110 с. 11. *Омельяновский М. Э.* Аксиоматика и поиск основопола-

гающих принципов и понятий в физике. — В кн.: Синтез современного научного познания, М., 1973, с. 333—346. 12. Понтрягин Л. О математике и качестве ее преподавания. — Коммунист, 1980, № 14, с. 99—113.

Поступила в редколлегию 22.12.82.

З. Г. КУЛИЕВ

ПРИНЦИП ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Понятие «социальная ответственность» неразрывно связано с человеческой деятельностью. Категория ответственности, как отмечает К. А. Абульханова-Славская, «должна быть исходно введена в число общественных оснований, составить своеобразную «онтологию» индивидуальной деятельности» [2, с. 197].

Социальная ответственность есть результат взаимосвязи и взаимной зависимости личности, группы и социума, конкретное взаимодействие которых осуществляется в процессе деятельности. Поэтому изучение ответственности как объективного социального явления и как субъективного качества личности невозможно без анализа тех форм деятельности, в которые вовлечена данная личность (группа, коллектив). Однако об ответственности можно говорить лишь в том случае, если человеческая деятельность, конкретные человеческие действия имеют значение не только для самого субъекта действия, но и охватывает интересы других субъектов, т. е. имеют общественную значимость. Степень ожидаемой или инкриминируемой социальной ответственности личности (группы) прямо пропорциональна объему и социальной амплитуде выполняемой деятельности: чем выше социальный ранг деятельности, шире ее социальный диапазон, тем больше ответственности возлагается на субъект деятельности. При этом каждой конкретной форме деятельности соответствует определенный ИНДЕКС ОТВЕТСТВЕННОСТИ: наивысший индекс соответствует деятельности, результаты которой затрагивают интересы всего человечества (например, борьба за мир), наименьший, или нулевой уровень ответственности — той деятельности, которая представляет собой бессодержательную, не имеющую социального «выхода», спонтанную активность (например, сизифов труд). «Сизифов труд, — пишет Л. П. Буева, — не бездеятельность, хотя его смысл, содержание и назначение ведут к разрушению личности. Труд — прежде всего целесообразная деятельность. Бессмысленная деятельность, хотя она и существует, не может быть названа трудом» [4, с. 65].

Поскольку общественный и личностный смысл деятельности далеко не всегда совпадают, могут быть расхождения между объективными и субъективными формовыражениями ответственности. Ответственность проявляется не только тогда, когда